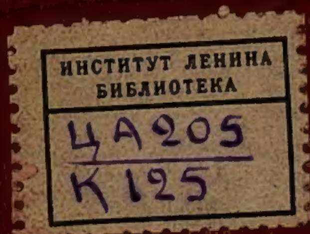
К ВОПРОСУ О ТЕРРОРИЗМЕ

Россійская Соц.-демократическая Рабочая Партія.

Къ вопросу о терроризмѣ.

Цѣна 30 сант.

Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза
въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

ЛОНДОНЪ

Февраль 1903 года.

Типографія Бунда:

Abraham Nathanson, 17, Montem Road, Forest Hill,
London S. E.

Россійская Соц.-демократическая Рабочая Партія.

Къ вопросу о терроризмѣ.

Цѣна 30 сант.

Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза
въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

ЛОНДОНЪ.

Апрѣль 1903 года.

Типографія Бунда:

Abraham Nahumson, 17, Monteu Road, Forest Hill,
London S. E.

ПОЗИЦІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ ВЪ ВОПРОСѢ О ТЕРРОРѢ.

(Рефератъ, читанный въ Парижѣ въ началѣ января 1903 г.).

I

Пользоваться всей соціально-революціонной литературой по вопросу о террорѣ я не считалъ возможнымъ. Въ № 11 „Революціонной Россіи" ея редакція заявила, что „Партія соціалистовъ-революціонеровъ" достаточно терпима и чужда соц.-демократической „узости" для того, чтобы выпускать изъ своей партійной типографіи вещи, съ которыми она не согласна. То же заявленіе сдѣлалъ „Центр. Комитетъ" этой партіи (въ томъ же № „Р. Р.") и при этомъ указалъ, что только „программныя заявленія и статьи этого органа (т. е. „Р. Р.") являются формальнымъ выраженіемъ взглядовъ партіи, которая и несетъ за нихъ полную отвѣтственность". Въ виду этого я буду излагать взглядъ соціалистовъ-революціонеровъ на терроръ только по „Р. Р." и то начиная съ 3-го ея №, такъ какъ только съ этого номера этотъ органъ становится оффиціальнымъ органомъ „партіи".

Въ статьѣ „Неотложная задача", помѣщенной въ № 3 „Р. Р." и представляющей попытку формулировать „практическую программу-минимумъ", мы читаемъ: „... пунктъ о террорѣ можетъ и долженъ, при извѣстной формулировкѣ, войти въ общую программу партіи. Подобной общей формулировкой можетъ, на нашъ взглядъ, быть слѣдующая:

Признавая въ принципѣ неизбѣжность и цѣлесообразность террористической борьбы, партія оставляетъ за собой право приступить къ ней тогда, когда, при наличности окружающихъ условій, она признаетъ это возможнымъ". Это было сказано въ январѣ 1902 г., почти черезъ годъ

послѣ выстрѣловъ Карповича (14 апрѣля 1901 г.) и Лаговскаго (8 марта 1901 г.), когда поднявшееся было террористическое настроеніе начало итти на убыль и нуждалсь въ стимулированіи новыми злодѣйствами правительства. Это состояніе умовъ замѣтнымъ образомъ отразилось на вышеприведенномъ изложеніи взгляда на терроръ. Соціалисты-революціонеры еще считаютъ нужнымъ скрывать свои карты, они ступаютъ осторожно, они только зондируютъ почву. Они не говорятъ прямо, что терроръ долженъ стать однимъ изъ пріемовъ политической борьбы; онъ „можетъ и долженъ“ войти въ нашу программу, но не безъ всякихъ обиняковъ, а „при извѣстной формулировкѣ“. Словечко „можно“, подкрѣпляемое словечкомъ „неизбѣжно“, чрезвычайно характерно для соціалистовъ-революціонеровъ, оно проходитъ красной нитью черезъ всѣ ихъ разсужденія. Сначала у нихъ „можно“ и „неизбѣжно“, а потомъ уже „должно“, какъ слѣдствіе изъ „возможности“ и „неизбѣжности“. „Можно“—это значитъ можно извлечь изъ архива какую-нибудь давно забытую формулу и клятвенно увѣрять публику, что это и есть „послѣднее слово“ соціалистической теоріи и практики, „можно“—потому, что при этомъ не рискуешь встрѣтить единодушнаго отпора, а наоборотъ можешь разсчитывать на благодарную и апплодирующую аудиторію. „Неизбѣжно“—потому, что обстоятельства сильнѣе насъ, что противъ рожна не попрешь. „Должно“—потому, что это соотвѣтствуетъ нашимъ вкусамъ, желаніямъ и традиціямъ, которые очень кстати сходятся съ „возможностью“ и „неизбѣжностью“. Пріятно, можно и нужно плыть по теченію, стало быть должно. Въ этомъ вся практическая философія соціалистовъ-революціонеровъ. Но вернемся къ „формулировкѣ“.

Въ основаніи этой „формулировки“ лежитъ „принциціальное“ признаніе „неизбѣжности и цѣлесообразности террористичесой борьбы“. Это значитъ, что, по мнѣнію соціалистовъ-революціонеровъ, мы вынуждены и всегда будемъ вынуждены примѣнять терроръ, и что это примѣненіе соотвѣтствутъе и всегда будетъ соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ,

которыя мы себѣ ставимъ—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока существуетъ самодержавіе. Мы, соціалдемократы, тоже не отрицаемъ въ принципѣ террора, но мы ставимъ вопросъ иначе; если вы насъ спросите: „терроръ полезенъ или вреденъ?“, мы вамъ скажемъ: „это чисто-метафизическая постановка вопроса, и въ такой формѣ мы на него отвѣтить не можемъ. Все, что мы можемъ сказать, такъ это только то, что при однихъ условіяхъ терроръ вреденъ, при другихъ онъ можетъ оказаться полезнымъ. Если вы насъ спросите: полезенъ или вреденъ терроръ при настоящихъ, вполнѣ конкретныхъ условіяхъ русской дѣйствительности, мы отвѣтимъ: да, безусловно вреденъ, потому что онъ мѣшаетъ организаціи рабочаго класса. Но при извѣстныхъ условіяхъ, напр. когда рабочая масса уже достигла относительно высокой степени сознательности и организованности и готова къ рѣшительному нападенію на самодержавіе, терроръ можетъ оказаться полезнымъ. Мы принципіально не высказываемся противъ террора, какъ пріема борьбы, но мы отвергаемъ его принципіальную цѣлесообразность, его цѣлесообразность при всякихъ условіяхъ; мы только говоримъ: сегодня терроръ нецѣлесообразенъ, а завтра или послѣзавтра онъ можетъ оказаться цѣлесообразнымъ. Что касается „неизбѣжности“, то мы ее отвергаемъ, какъ элементъ, который не долженъ вліять на нашу тактику; мало ли что неизбѣжно! Неизбѣжны антиеврейскіе погромы, неизбѣжны холерные и чумные бунты, неизбѣжны стихійныя вспышки рабочихъ, сопровождающіяся разрушеніемъ машинъ, поджогами и грабежами, неизбѣжно еще многое другое. Слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ эти „неизбѣжности“ должны вліять на нашу тактику? Нисколько. Такія „неизбѣжности“ должны насъ только заставить еще энергичнѣе работать надъ созданіемъ силы, способной ослабить и въ концѣ концовъ совершенно уничтожить такія „неизбѣжности“. Итакъ, предпосылка разбираемой нами „формулировки“ основана, съ одной стороны, на преклоненіи передъ стихійностью и, съ другой стороны, на метафизическомъ представленіи о цѣлесообразности.

Но если терроръ всегда и вообще неизбѣженъ и цѣле-

сообразенъ, то возникаетъ вопросъ, почему „партія“ сочла нужнымъ отложить открытіе террористическихъ дѣйствій до момента объявленія какой-то „наличности окружающихъ условій“; при чемъ тутъ окружающія условія, когда терроръ безусловно цѣлесообразенъ и къ тому же безусловно неизбѣженъ, такъ что отъ него не отбояришься никакими „догмами“. Что это за таинственныя „окружающія условія“? Для рѣшенія этого вопроса, мы должны перенестись въ августъ мѣсяцъ 1902 г. и раскрыть № 10 „Революціонной Россіи“. Тамъ мы найдемъ „нѣкоторыя свѣдѣнія о возникновеніи и первыхъ шагахъ дѣятельности“ такъ называемой „боевой организаціи“. ... Нѣсколько членовъ партіи—читаемъ мы тамъ—... рѣшили организовать строго конспиративную группу“ для террористической дѣятельности. „Такая группа должна была взять на себя иниціативу и первыми шагами доказать, что она не только *хочетъ* взять на себя отвѣтственность возобновленія славной дѣятельности Исполнительнаго Комитета Народной Воли, но и дѣйствительно *можетъ*, дѣйствительно *достойна* взять на себя эту отвѣтственность. Только послѣ этого группа могла быть облечена извѣстными полномочіями со стороны всей партіи и изъ иниціативной боевой группы, зародившейся въ нѣдрахъ партіи, превратиться въ центральный боевой органъ—въ Боевую Организацію Партіи соціалистовъ-революціонеровъ“. Оставляя въ сторонѣ характерныя особенности разсказа: проникающій его тонъ священнодѣйствія, высокоторжественный „штиль“ изложенія, всю эту шумиху фразъ: „отвѣтственность возобновленія славной дѣятельности Исполнительнаго Комитета Нар. Воли“, „облеченіе полномочіями“, „иниціативная боевая группа“, „нѣдра партіи“ и пр., оставляя все это въ сторонѣ, мы можемъ всю исторію зарожденія „боевой организаціи“ изложить въ одной фразѣ: подыскивался человѣкъ для совершенія террористическаго акта, при чемъ имѣлся въ виду слѣдующій весьма простой планъ: если искомый человѣкъ будетъ найденъ и покушеніе удастся, то изъ „нѣдръ партіи“, изъ самыхъ глубокихъ ея глубинъ, какъ deus ex ma-

china, выскочитъ съ шумомъ и трескомъ „боевая организація“, броситъ въ лицо „правящей реакціонной кликѣ“ „краткій обвинительный актъ“ въ 14 пунктахъ и потребуетъ конституціи *). Если же покушеніе не удастся, то „боевая организація“ будетъ пребывать въ „нѣдрахъ партіи“ въ чинѣ „инициативной боевой группы“ впредь до объявленія новой „наличности окружающихъ условій“, которая сдѣлаетъ ее „дѣйствительно достойной взять на себя отвѣтственность“ „возобновленія“ и т. д., ибо „хотѣть“, какъ мы уже знаемъ, недостаточно, нужно еще доказать на дѣлѣ, что „можешь“ и „достоинъ“. Теперь мы знаемъ, что подъ таинственной „наличностью окружающихъ условій“ скрываются самыя простыя вещи, и если, тѣмъ не менѣе, эти простыя вещи облечены въ столь замысловатую форму, то это объясняется исключительно пристрастіемъ соц.-революціонеровъ къ мистификаціи, составляющимъ ихъ вторую природу.

Я такъ долго останавливался на „формулировкѣ“ террора во 1-хъ потому, что она представляетъ первое выраженіе взгляда соц.-революціонеровъ на терроръ, помѣщенное въ ихъ оффиціальномъ органѣ, и во 2-хъ потому, что въ ней уже замѣтно выступаютъ главныя свойства соц.-революціонеровъ—метафизическій образъ мышленія, преклоненіе передъ стихійностью, или безпринципность, и пристрастіе къ мистификаціи,—свойства, съ которыми мы не разъ еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Сверхъ того, разборъ „формулировки“ намъ показалъ, что въ январѣ 1902 г. соц.-революціонеры еще выступали въ вопросѣ о террорѣ крайне осторожно, съ опаской и оглядкой, старательно нащупывая подъ собою почву.

* *
*

*) См. прокламацію „боевой организаціи“ отъ 3 апр. 1902 г. и „Вынужденное объясненіе“ № 7 „Р. Р.“

Въ № 4 „Р. Р.“, вышедшемъ въ февралѣ, позиція соціалистовъ революціонеровъ въ вопросѣ о террорѣ уже пріобрѣтаетъ больше опредѣленности. Въ замѣткѣ „Знаменательная годовщина“ (по поводу выстрѣла Карповича) мы читаемъ: „Положеніе русскихъ революціонеровъ измѣнилось. Когда-то въ эпоху геройской самоотверженной борьбы они были одни въ мертвымъ сномъ спящей Россіи . . . Нынѣ всякій актъ революціонеровъ проходитъ при сильномъ сочувствіи различныхъ общественныхъ группъ, при могучей поддержкѣ поднимающагося пролетаріата . . . Въ такой атмосферѣ подвигъ Карповича не могъ не вызвать сильнѣйшаго подъема, и велика заслуга Карповича передъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Онъ доказалъ могучее вліяніе почина героической личности, смѣлой борьбы съ ненавистнымъ врагомъ . . . “

Прежде всего здѣсь бросается въ глаза весьма характерная для соціалистовъ-революціонеровъ дефиниція понятія „революціонеръ“, въ которой уже выступаетъ преклоненіе передъ такъ называемой „непосредственной“ политической борьбой. „Когда-то“ народовольцы занимались терроромъ среди общаго безмолвія, теперь „всякій актъ революціонеровъ проходитъ . . . при могучей поддержкѣ поднимающагося пролетаріата“. Ясно, что революціонеръ это террористъ, революціонные акты это акты террористическіе. Революціонеры совершаютъ покушенія, пролетаріатъ поднимается и оказываетъ имъ поддержку; революціонеры сами по себѣ и рабочее движеніе по себѣ. Однако, связь между ними существуетъ, именно: рабочее движеніе стимулируетъ террористическую дѣятельность, террористическіе акты въ свою очередь дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на рабочее движеніе. Здѣсь уже заключается намекъ на сочиненный „Свободой“ „экситативный“ терроръ и на намѣченную въ № 7 „Р. Р.“ „теорію“ взаимодѣйствія всевозможныхъ методовъ революціонной борьбы; „экситативный“ терроръ не болѣе, какъ частное приложеніе этой „теоріи“: терроръ и рабочее движеніе вліяютъ другъ на друга такъ, что дѣйствіе каждаго изъ нихъ черезъ это усиливается.

Этой „теоріи“ параллелизма всевозможныхъ формъ борьбы мнѣ придется еще ниже коснуться. Здѣсь я только замѣчу, что „Р. Р.“ ошибается относительно характера представленныхъ Карповичемъ доказательствъ. Карповичъ будто бы „доказалъ могучее вліяніе почина героической личности“. По моему мнѣнію, онъ только доказалъ во 1-хъ, что злодѣйства правительства возбуждаютъ такое глубокое возмущеніе среди людей, не потерявшихъ способности ненавидѣть произволъ, что они иногда выливаютъ свое негодованіе въ террористическихъ актахъ, и во 2-хъ, что къ началу 1901 г. уже успѣло накопиться столько горючаго матеріала, что достаточно было искры, чтобы зажечь его. Такой искрой былъ выстрѣлъ Карповича; но роль такой искры могло также сыграть какое-нибудь новое злодѣйство правительства, своевременно выпущенный „листочекъ“, какъ презрительно называетъ „Р. Р.“ прокламаціи, или даже какой-нибудь мелкій, самъ по себѣ ничтожный поводъ, который въ обыкновенное время проходитъ незамѣченнымъ, а въ эпохи революціоннаго броженія освобождаетъ накопившіяся силы. Доказательствомъ могутъ служить недавнія событія въ Ростовѣ на Дону. Обыкновенная стачка съ обыденными требованіями въ нѣсколько дней разростается въ событіе огромной важности съ многотысячными сходками, страстными политическими рѣчами и пр.

II

Указанныя мною тенденціи еще яснѣе выступаютъ въ 5-мъ (мартовскомъ) № „Р. Р.“, въ передовой статьѣ „Что же дальше?“ Въ этой статьѣ указывается на тотъ фактъ, что демонстраціи принимаютъ у насъ характеръ систематическихъ избіеній участвующихъ. Казалось бы, что отсюда одинъ выводъ: нужно работать въ томъ направленіи, чтобы стало возможнымъ ввести въ демонстраціи элементъ массового отпора насиліямъ полиціи и войска. Но мысль редакціи дѣлаетъ неожиданный вольтъ, и мы узнаемъ, что „передъ нами два пути дальнѣйшей борьбы“. Во 1-хъ „ходъ

событій неизбѣжно ведетъ къ тому, что толпа не будетъ подставлять покорно свои спины подъ удары, а начнетъ встрѣчать нападающихъ грудь въ грудь. Революціоннымъ организаціямъ придется считаться съ этимъ фатальнымъ развитіемъ борьбы“. Опять преклоненіе передъ стихійностью. Въ вопросѣ объ организаціи демонстрацій мы должны плыть по теченію, не предваряя событій. Начнетъ толпа „встрѣчать нападающихъ грудь въ грудь“, тогда и мы начнемъ рекомендовать отпоръ во время демонстраціи, а не начнетъ толпа, то мы будемъ „годить“, имѣя въ виду, что намъ съ теченіемъ времени „придется считаться“ съ „фатально“ надвигающейся новой фазой въ развитіи демонстраціоннаго движенія. А что же пока намъ дѣлать? Пока „онѣ (революціонныя организаціи) должны имѣть въ виду и другой выходъ накопившейся революціонной энергіи,—выходъ, конечно, не только не исключающій перваго (т. е. демонстрацій), но, напротивъ, имѣющій его въ виду, его вызывающій, дополняющій и усиливающій“. Этотъ „другой выходъ“ есть организованный терроръ. Замѣтьте, какъ еще осторожно о немъ говорится. „Онѣ должны имѣть въ виду“, а не говорится прямо, безъ обиняковъ, что революціонная энергія должна быть направлена на террористическую дѣятельность. Очевидно, что въ мартѣ соц.-революціонеры еще пребывали въ стадіи изученія „настроенія“ и еще колебались, дерзнуть ли раскрыть всѣ карты или нѣтъ. Въ приведенной мною выпискѣ опять таки выступаетъ „теорія“ параллелизма формъ борьбы, но уже не въ той расплывчатой формѣ революціонныхъ актовъ, проходящихъ при „могучей поддержкѣ поднимающагося пролетаріата“, какъ въ замѣткѣ „Знаменательная годовщина“ (№ 4), а въ болѣе опредѣленной формѣ „объединенія террористическаго движенія съ демонстраціоннымъ“ (№ 11).

Какъ понимать рекомендуемый намъ „синтезъ“ террора и демонстрацій? Если послушать соц.-революціонеровъ, то его нужно понимать въ смыслѣ взаимодѣйствія, усиливающаго эффектъ обѣихъ формъ борьбы. Но дѣйствительно ли это такъ? Если мы присмотримся ближе къ статьѣ:

„Что же дальше ?“, то мы замѣтимъ, что въ разсужденіяхъ редакціи „Р. Р.“ сказывается, быть можетъ, помимо ея воли, логика террора, по самой своей сущности стремящагося къ вытѣсненію всѣхъ видовъ массовой борьбы или, по крайней мѣрѣ, къ сведенію ихъ на степень вспомогательныхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Редакція провидитъ, что теперешнія, по ея терминологіи, „мирныя“ демонстраціи, кончающіяся избіеніемъ демонстрантовъ, начнутъ дѣйствовать на массу деморализующимъ образомъ. Стало быть, если она находитъ, что революціонныя организаціи должны ждать съ болѣе цѣлесообразной организаціей демонстрацій до тѣхъ поръ, пока сама масса за это не возьмется, то она, логически разсуждая, должна высказаться за прекращеніе демонстрацій въ ихъ теперешнемъ видѣ. Но до этого логическаго конца она своего разсужденія не доводитъ. Почему? Потому что въ процессъ ея мысли вмѣшивается логика террора, обогащенная грандіознымъ опытомъ „Нар. Воли“, и подсказываетъ ей, что для „самочувствія“ террориста, для укрѣпленія въ немъ вѣры въ свою миссію гораздо лучше, когда онъ дѣйствуетъ не въ пустотѣ, а въ какой-нибудь „питательной средѣ“. А такой средой могутъ служить манифестаціи хотя бы съ перспективой избіенія. Мало того, быть можетъ было бы вѣрнѣе сказать—манифестаціи не *хотя бы*, а *именно* съ перспективой избіенія, потому что съ одной стороны избіенія увеличиваютъ силу негодованія террориста, а съ другой стороны—цѣлесообразно организованныя и удачныя демонстраціи очень плохая школа для выработки террористовъ, и быть можетъ въ этомъ отчасти лежитъ причина индифферентизма соц.-революціонеровъ къ вопросу о томъ, какъ организовывать демонстраціи,— причина, которой они сами не сознаютъ. Сверхъ того, истязанія во время демонстрацій и послѣ нихъ, въ полицейскихъ и тюремныхъ застѣнкахъ, могутъ привести въ ряды террористовъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, „кто, по выраженію „Р. Р.“, не можетъ съ философскимъ спокойствіемъ анализировать слезы жертвъ“, иными словами, кто, по выраженію Плеханова („Заря“ № 2-3), прислушивается только къ

голосу своего нравственнаго негодованія, а не подчиняется сознательному политическому разсчету.

Чтобы не показаться голословнымъ, мнѣ придется сдѣлать довольно длинную выписку изъ статьи „Что же дальше?" „Героическая борьба Исполнит. Комитета, нанесшаго грозные удары самодержавію, не была доведена до конца, вслѣдствіе отсутствія въ широкихъ слояхъ народа достаточной поддержки. Въ этомъ отношеніи картина общественнаго состоянія Россіи теперь рѣзко измѣнилась. И наиболѣе крупнымъ факторомъ этого измѣненія являются — манифестаціи. Революціонеры, смотря на эти массы, самотверженно вышедшія на улицу подъ истязаніе враговъ, почерпнутъ теперь вѣру въ то, что новая рѣшительная схватка съ деспотизмомъ встрѣтитъ уже другое отношеніе народа. Они увидятъ, что создалась та окутывающая ихъ питательная среда, которая не только будетъ доставлять революціонной партіи дѣйствія и смѣлаго почина, какъ и прежде, все новыя и новыя силы, но и сумѣетъ во время массовымъ натискомъ поддержать грозные удары смѣльчаковъ — партизановъ. Гнусныя же насилія слугъ деспотизма бросятъ въ ряды такой партіи всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ съ философскимъ спокойствіемъ анализировать слезы жертвъ, кто никогда не проститъ царскому правительству тѣхъ невообразимыхъ надругательствъ, какимъ подвергались связанныя жертвы демонстрацій по кіевскимъ и другимъ участкамъ и казематамъ, для кого понятны будутъ слова Кожухова: „кровью, а не слезами отвѣчаютъ на такія вещи!..."

Здѣсь роль „манифестацій", подъ которыми, очевидно, разумѣются не только демонстраціи въ узкомъ смыслѣ слова, но вообще всякаго рода массовыя уличныя движенія, — въ революціонной трагедіи точно опредѣлена. Революціонная партія — это партія террористовъ, „смѣльчаковъ-партизановъ." Революціонная борьба — это борьба террористическая, единоборство героевъ съ правительствомъ. „Манифестаціи" только аксессуаръ, правда необходимый, но только аксессуаръ этой борьбы, назначеніе котораго поддерживать бодрость горсти героевъ и демонстрировать правительству,

что опи не дѣйствуютъ въ пустотѣ. Въ обыкновенное время, т. е. въ теченіе всего періода подготовки рѣшительнаго нападенія на правительство, вся дезорганизующая, разрушительная работа надъ самодержавнымъ строемъ ведется „смѣльчаками-партизанами.“ Масса въ этой работѣ непосредственно не участвуетъ, она своими манифестаціями только создаетъ среду, питающую терроръ и приводящую ему сторонниковъ, въ моментъ же рѣшительнаго нападенія масса возводится въ высшій рангъ, она привлекается къ участію въ дезорганизующей работѣ, хотя далеко не на одинаковыхъ правахъ съ героями, она только предназначена для того, чтобы своевременнымъ „массовымъ натискомъ поддержать грозные удары смѣльчаковъ-партизановъ“, т. е. придушить уже на половину задушеннаго врага. Итакъ, въ системѣ силъ, направленныхъ противъ самодержавія, терроръ имѣетъ опредѣляющее значеніе, манифестаціи же играютъ вспомогательную, подчиненную террору роль. Таково дѣйствительное отношеніе террора и манифестацій, героевъ и толпы въ той своеобразной системѣ, которую „Р. Р.“ окрестила именемъ „синтеза террористическаго и демонстраціоннаго движеній.“ И это отношеніе диктуется логикой террора, часто вопреки разсчетамъ самихъ шампіоновъ терроризма.

Прежде чѣмъ итти дальше, сдѣлаю еще два замѣчанія. Въ приведенной мною цитатѣ благопріятный исходъ террористической борьбы въ будущемъ мотивируется наличностью въ настоящемъ массового движенія: дескать, народовольцы не были поддержаны массой и потому не довели своей борьбы до конца, теперешніе террористы имѣютъ за собой массу и своей цѣли достигнутъ,—доводъ, какъ разъ говорящій противъ террора. Въ самомъ дѣлѣ. Мы принимаемъ, что соціалисты-революціонеры говорятъ о сознательномъ массовомъ движеніи, о движеніи, въ которое уже внесено классовое и политическое сознаніе. Откуда взялось это сознаніе? Оно явилось результатомъ продолжительной агитаціи въ рабочей массѣ, и эта агитація была возможна только потому, что въ теченіе этого періода революціонеры

терроромъ не занимались. И вотъ теперь, когда начинаютъ обнаруживаться плоды этой революціонной работы, намъ говорятъ: начинайте террористическія дѣйствія, вы имѣете за собой массу, которая уже себя показываетъ въ манифестаціяхъ. Позвольте, господа. Одно изъ двухъ: или масса уже подготовлена къ тому, чтобы, по выраженію Б. Кричевскаго, „строиться въ штурмовыя колонны", тогда терроръ не нуженъ, или массовое движеніе еще слабо, мало сознательно и плохо организовано, въ такомъ случаѣ оно не можетъ оказать существенной поддержки террористамъ, и „массовой натискъ" — если, допустимъ, онъ будетъ имѣть мѣсто — будетъ отбитъ съ большимъ урономъ для массы, — и не поможетъ террористамъ довести ихъ борьбы до желательнаго конца.

Но быть можетъ и даже весьма вѣроятно, что соц.-революціонеры представляютъ себѣ дѣло иначе. Они, быть можетъ, думаютъ, что соціалистическое и политическое сознаніе не вносится *извнѣ* въ движеніе пролетаріата, а возникаетъ *стихійно* изъ этого движенія, какъ необходимый *непосредственный* результатъ пролетарской борьбы. Въ такомъ случаѣ терроръ и рабочее движеніе могутъ прекрасно уживаться рядомъ, нисколько другъ другу не мѣшая, параллельно развиваться, благотворно воздѣйствуя другъ на друга, до тѣхъ поръ пока изъ этого параллелизма не получится та комбинація „массового натиска" и „грозныхъ ударовъ смѣльчаковъ-партизановъ", которую провидитъ въ будущемъ „Р. Р." Въ самомъ дѣлѣ. Современныя экономическія отношенія неизбѣжно толкаютъ рабочихъ на борьбу съ эксплуатаціей. Извѣстныя формы рабочаго движенія, напр. стачечное, возникаютъ совершенно стихійно, съ естественной необходимостью — даже въ томъ случаѣ, когда интеллигенція отдѣлена отъ рабочей массы китайской стѣной. И если борьба съ хозяевами должна неизбѣжно, одною логикой фактовъ, привести рабочаго также къ сознанію возможности и необходимости политической свободы и соціализма, то интеллигенціи не для чего вмѣшиваться въ эту борьбу и тратить свою революціонную энер-

гію тамъ, гдѣ и безъ нея стихійный ходъ вещей сдѣлаетъ все, что нужно; она можетъ и должна инсценировать другой родъ борьбы, соотвѣтствующій ея составу („свойственный ей способъ проявленія“, по терминологіи „Р. Р.“), въ дополненіе пролетарской борьбы; она можетъ и должна взяться за терроръ, при чемъ она можетъ быть увѣрена, что когда настанетъ моментъ для „грозныхъ ударовъ“, то также будетъ готова и матеріальная сила, необходимая для „массового натиска“; порукой въ этомъ служитъ стихійный ходъ вещей. Такъ должны были бы разсуждать соціалисты-революціонеры, такъ расшаркивающіеся передъ стихійностью, — разумѣется, если бы они умѣли доводить свою мысль до ея логическаго конца, чего объ нихъ сказать нельзя. Мы, соціалдемократы, не ожидаемъ такихъ чудесъ отъ стихійности, мы знаемъ, что пролетарская борьба и соціализмъ возникаютъ только *рядомъ* одно съ другимъ, но *не* одно *изъ* другого, хотя и то и другое возникаетъ на почвѣ однихъ и тѣхъ же экономическихъ отношеній. Поэтому безъ помощи извнѣ, безъ помощи интеллигенціи рабочее движеніе не можетъ стать ни достаточно сознательнымъ, ни достаточно организованнымъ. Превращенію рабочаго движенія въ сознательное и организованное мѣшаетъ терроръ, отвлекая интеллигенцію отъ работы въ рабочей массѣ, поэтому онъ вреденъ. Ученіе о параллелизмѣ формъ борьбы —террористической и пролетарской, „партизанской и массовой“—есть вредная утопія.

Чтобы покончить со статьей „Что же дальше?“, мнѣ остается прибавить, что въ ней мы уже находимъ намекъ еще на одну сторону террора, которой мнѣ еще не пришлось коснуться, именно на терроръ, какъ на орудіе мщенія, независимо отъ политическихъ цѣлей, къ достиженію которыхъ прежде всего и главнымъ образомъ стремится террористическая борьба. Этотъ намекъ заключается въ томъ мѣстѣ статьи, гдѣ редакція выражаетъ увѣренность, что „гнусныя насилія слугъ деспотизма бросятъ въ ряды такой партіи (т. е. террористовъ) всѣхъ тѣхъ“...., „для кого понятны будутъ слова Кожухова: „Кровью, а не слезами

отвѣчаютъ на такія вещи!“ (истязанія демонстрантовъ въ участкахъ и тюрьмахъ).

III

Въ апрѣлѣ „Р. Р.“ не вышла, вмѣсто нея вышелъ Летучій Листокъ Р. Р. (№ 3), весь посвященный событію 2 апрѣля 1902 г. Весь листокъ написанъ „карающей рукой революціи“, которая, нужно сознаться, повѣдала намъ интересныя вещи. Нѣкоторыя я вамъ напомню. Сипягинъ убитъ „не вотомъ отсутствующаго парламента, а револьверной пулей.“ „Русское самодержавіе раздавило великій народъ“, цѣлы остались одни соц.-революціонеры, которымъ посему предстоитъ вынести на своихъ могучихъ плечахъ тяжелое бремя революціи и завоевать счастье для раздавленнаго народа. Члены „общества“ — всѣ эти „отцы, наставники, совѣтники“ не имѣютъ „ни шерсти на спинѣ, ни копытъ на ногахъ“, а посему они любезно, но твердо приглашаются нарушить свой нейтралитетъ и своимъ вмѣшательствомъ „уменьшить“ „рѣзкость столкновеній“ революціонеровъ съ правительствомъ. Правительству „отъ лица всей сознательной Россіи“ рѣшительно предъявляются требованія, подкрѣпляемыя весьма выразительнымъ скрипомъ пера: „Мы ждемъ отвѣта правительства и стоимъ пока подъ ружьемъ.“ „Товарищамъ-революціонерамъ, черезчуръ уходящимъ въ страстныя междуфракціонныя распри“, ставится на видъ, что „не разговаривать теперь время, а дѣйствовать“, т. е. заниматься покушеніями, и пр. и пр. Все это я привелъ для того, чтобы показать, до какого состоянія можетъ довести людей власть стихійности, когда они не могутъ противоставить ей твердыхъ принциповъ: достаточно было неожиданнаго подъема волны „настроенія“, чтобы соц.-революціонеры лишились даже способности говорить по человѣчески. Но это между прочимъ.

Интереснѣе то, что соц.-революціонеры, подхваченные террористической волной, забыли всякую осторожность. „Карающая рука“ стерла всѣ „синтезы“, „параллелизмы“ и

„взаимодѣйствія“ и самымъ безцеремоннымъ образомъ передѣлала въ словѣ „вмѣстѣ“ конечное „ѣ“ на „о“, и передъ нами выступила истинная, незамаскированная физіономія соц.-революціонера. Выступило вотъ что: „.... отъ правительства зависитъ, будемъ ли мы бороться за этотъ идеалъ (соціализмъ) обычными въ культурныхъ странахъ средствами, или же должны будемъ снова браться, какъ говорила въ свое время Народная Воля, „за печальное, но необходимое оружіе“ террористической самозащиты и борьбы“ (перед. ст. „2-ое апр. 1902 г.“).

Итакъ, политическая борьба можетъ вестись либо „обычными въ культурныхъ странахъ средствами“, каковыя могутъ быть только въ политически-свободной странѣ, либо терроромъ, другихъ средствъ нѣтъ. Это очень ясное „вмѣсто.“ „Мы зовемъ къ террору *вмѣсто* работы въ массахъ“—таковъ истинный смыслъ формулировки „партійнаго (соц.-рев.) воззрѣнія“ на терроръ въ № 7 „Р. Р.“: „мы зовемъ къ террору *не вмѣсто* работы въ массахъ, а именно *для этой самой работы и одновременно съ нею.*“ Но логика террора, какъ въ данномъ случаѣ, то и дѣло опрокидываетъ хитроумныя построенія соціал.-революціонеровъ и прорывается черезъ всѣ „вмѣстѣ“ и „одновременно.“

* *
*

Майскій № (6) „Р. Р.“ все еще писанъ на гребнѣ террористической волны и все той же „карающей рукой революціи“, хотя, надо сказать, уже то здѣсь, то тамъ прорываются минорныя нотки, предвѣщающія возвратъ къ осторожности, т. е. къ вольному или невольному маскированію своей физіономіи. Напр., въ то время, какъ въ апрѣльскомъ Летучемъ Листкѣ „Р. Р.“ намъ категорически заявляли, что „не разговаривать теперь время, а дѣйствовать“, — здѣсь, въ статьѣ „Прежде и теперь“, время „дѣйствованія“ уже откладывается: „можетъ опять, ‚яко тать въ нощи‘, нагрянуть моментъ, когда не поздно будетъ только одно—*дѣйствовать*“; только „можетъ“, значитъ пока еще этотъ моментъ не наступилъ! Но въ общемъ настроеніе твердое. Въ

той же статьѣ дается правительству „первое предостереженіе“ и ставится ему ультиматумъ: „подчиниться (требованію политической свободы) или удалиться.“

Необходимость террора мотивируется историческимъ круговоротомъ — въ статьѣ „изъ текущей жизни“, посвященной Сипягину, временщику, который „былъ исторгнутъ изъ рядовъ живущихъ.“ Изъ нея мы узнаемъ, что „исторія повторяется.“ Слѣдуютъ доказательства: 1) въ 1876 г. Бибергаль былъ отправленъ на каторгу за казанскую демонстрацію; 4 марта 1902 г., стало быть черезъ 25 лѣтъ, дочь Бибергаля была арестована на той же Казанской площади и тоже какъ участница демонстраціи. 2) Въ январѣ 1878 г. Вѣра Засуличъ стрѣляла въ петербургскаго градоначальника Трепова, въ мартѣ 1902 г., стало быть почти черезъ 25 л., сынъ Трепова „въ роли того же, какъ и отецъ, начальника столичной полиціи, явился однимъ изъ первыхъ объектовъ, на которыхъ революція засвидѣтельствовала о назрѣвшей въ ней готовности перейти къ крайнимъ мѣрамъ.“ Кромѣ того, „какъ и тогда, нервная женская организація одною изъ первыхъ обнаружила полноту революціоннаго чувства.“ 3) Въ августѣ 1878 г. Кравчинскій убилъ шефа жандармовъ, 2 апр. 1902 г., стало быть почти черезъ 25 лѣтъ, „палъ новый Мезенцевъ“ въ лицѣ Сипягина. Всѣ признаки начинающагося возвращенія минувшаго: тамъ отецъ, здѣсь дочь; тамъ Казанская площадь, здѣсь Казанская площадь; тамъ демонстрація, здѣсь демонстрація; тамъ Треповъ-отецъ, здѣсь Треповъ-сынъ; тамъ начальникъ столичной полиціи, здѣсь начальникъ столичной полиціи; тамъ женщина, здѣсь женщина; тамъ шефъ жандармовъ, здѣсь министръ, совмѣщающій также обязанности шефа жандармовъ. А тутъ еще это кабалистическое число 25! Очевидно, исторія повторяется, и это наполняетъ ужасомъ соціалистовъ-революціонеровъ: „когда она (исторія) начинаетъ вскрывать обагренныя кровью страницы, мы готовы взмолиться : да минуетъ насъ чаша сія.“ Но соціалисты-революціонеры знаютъ одну лишь власть, это власть стихійности, и они бросаются въ ея объятія: „но будетъ — и пусть будетъ — не такъ, какъ мы хо-

тимъ, а какъ хочетъ исторія.“ „Плыви, мой челнъ, по волѣ волнъ“....

IV

Въ іюньскомъ (7-омъ) № „Р. Р.“ мы уже находимъ систематическое изложеніе взгляда соціалистовъ-революціонеровъ на терроръ.

Статья начинается категорическимъ заявленіемъ, что терроръ „неизбѣженъ“ и что, стало быть, разговаривать тутъ нечего; передъ этой „неизбѣжностью“ должны склониться даже „партійные догматики“ и отказаться отъ своихъ „теоретическихъ предубѣжденій“, ибо жизнь превозмогла сіи предубѣжденія. Что касается цѣлесообразности, которая еще фигурировала рядомъ съ „неизбѣжностью“ въ „практической программѣ минимумъ“ (№ 3), то она уже окружена ореоломъ ироніи, т. е. поставлена въ ковычки. Далѣе, самый терроръ разсматривается, какъ средство: 1) самообороны, 2) агитаціи и 3) „дезорганизаціи правительственнаго механизма.“ Разберемъ каждый пунктъ въ отдѣльности.

Терроръ долженъ подѣйствовать устрашающимъ образомъ на правительство и притупить его „изобрѣтательность въ пріискиваніи все новыхъ и новыхъ, все болѣе и болѣе возмутительныхъ способовъ расправы со всѣми недовольными элементами.“ Почему? Да просто потому, что никому не желательно постоянно находиться подъ угрозой смерти. Какъ ни убѣдителенъ кажется этотъ доводъ на первый взглядъ, тѣмъ не менѣе онъ основанъ на незнаніи или умышленномъ игнорированіи дѣйствительности и человѣческой природы. Человѣкъ приспособляется ко всякимъ условіямъ и, между прочимъ, также къ опасности; эта приспособляемость объясняется той властью, какую имѣетъ надъ нами привычка, и не нужно думать, что только революціонеръ или человѣкъ, полагающій цѣль своей жизни въ служеніи идеѣ, способенъ безстрашно смотрѣть въ лицо опасности; нѣтъ, эту привычку къ опасности можетъ выработать въ

себѣ всякій человѣкъ, будь онъ революціонеръ, реакціонеръ или просто проходимецъ. Шпіоны, можно сказать, находятся на самомъ опасномъ мѣстѣ и даютъ наибольшій процентъ избитыхъ и убитыхъ, и тѣмъ не менѣе, врядъ ли еще найдется революціонеръ, который бы считалъ терроръ дѣйствительнымъ средствомъ противъ шпіонства, какъ системы. Вмѣсто выбывшихъ изъ строя шпіоновъ являются десятки новыхъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Гдѣ же основаніе думать, что у какого-нибудь ф. Плеве, неизмѣримо лучше огражденнаго отъ нападеній, чѣмъ какой-нибудь шпіонъ, будетъ меньше мужества итти на встрѣчу опасности, чѣмъ у шпіона? Или возьмемъ военныхъ; извѣстно, что военные въ короткое время до того привыкаютъ къ опасностямъ войны, что преспокойно ѣдятъ, пьютъ и бесѣдуютъ подъ градомъ пуль.

Къ тому же террористическіе акты такъ рѣдко удаются, что шансы пасть отъ руки террориста никакъ не больше, если не меньше, чѣмъ погибнуть отъ крушенія поѣзда, а вѣдь люди, какъ ни въ чемъ не бывало, разъѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ, хотя они прекрасно знаютъ, что крушенія „неизбѣжны“ (въ соціально-революціонномъ смыслѣ), что кому-нибудь да нужно будетъ погибнуть и что этотъ кто-нибудь, быть можетъ, будетъ онъ — имя рекъ — преспокойно сидящій въ вагонѣ и раскуривающій сигару — быть можетъ, за минуту до того, какъ его настигнетъ „карающая рука“ желѣзно-дорожныхъ неустройствъ и „исторгнетъ изъ рядовъ живущихъ.“ Почему вы думаете, что тотъ минимумъ опасности быть внезапно „исторгнутымъ“, который не смущаетъ пассажира, будетъ непремѣнно смущать правителей?

Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что тѣ гнусности, на которыя, по мнѣнію „Р. Р.“, можно отвѣчать только кровью или слезами, идутъ сверху, отъ горсточки башибузуковъ, сидящихъ за семью затворами, и исполняются арміей агентовъ, на которыхъ почти исключительно направляются террористическіе удары, потому что, по свидѣтельству прокламаціи 3 апр. 1902 г. („Ко всѣмъ подданнымъ русскаго ца-

ря"), изданной „Партіей соціалистовъ-революціонеровъ" и ею не вполнѣ одобряемой, въ нихъ бить легче, а, право, ф. Плеве не имѣетъ никакого основанія дорожить своими агентами: вмѣсто одного „исторгнутаго" онъ найдетъ десятки „неисторгнутыхъ."

Если такъ наз. устрашающая роль терроризма и можетъ въ чемъ-нибудь проявиться, то не въ „сдерживаніи правительственнаго произвола", какъ это себѣ рисуютъ соц.-революціонеры, а въ ускореніи подбора негодяевъ: вмѣсто безцеремоннаго негодяя явится болѣе безцеремонный, вмѣсто болѣе безцеремоннаго — еще болѣе безцеремонный.

Въ свидѣтельство устрашающаго дѣйствія террора „Р. Р." еще ссылается на „Н. Волю": дескать, во времена этой партіи правительство не позволяло себѣ такихъ гнусностей по отношенію къ революціонерамъ, какъ теперь: терроръ тогда внушалъ ему спасительный страхъ передъ революціонерами и уваженіе къ нимъ. Надлежащую оцѣнку этого историческаго довода можно найти въ № 28 „Искры", въ статьѣ „Мертвый хватаетъ живого." Демонстрантовъ во время Н. Воли дѣйствительно не сѣкли по той простой причинѣ, что въ эпоху террора демонстраціи не происходили, при народныхъ же безпорядкахъ въ городахъ и селахъ „національная розга гуляла на просторѣ во времена Н. Воли, какъ и во всѣ другія." А какъ тогда правительство выражало заключеннымъ революціонерамъ „свой страхъ и уваженіе", объ этомъ смотри народовольческую литературу, въ частности „Надгробное слово Александру П" и „13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости" — записки Волкенштейнъ. *)

Далѣе, террору придается „агитаціонное" значеніе, и тутъ „Р. Р." неожиданно для самой себя попадаетъ въ станъ тѣхъ революціонеровъ, которыхъ она презрительно на-

*) Въ № 2 „Р. Р.", въ статьѣ: „Памяти героевъ", мы читаемъ: „Борьба съ вліяніемъ Н. Воли велась не только путемъ *жестокихъ расправъ съ участниками партіи* (курсивъ нашъ), но и другими имѣющимися въ распоряженіи правительства средствами."

зываетъ „книжниками“, ведшими „чернильную баталію“ „по вопросу о томъ, можно ли террору придавать только экс-цитативное“ или какое-нибудь другое значеніе. „Агитаціонный“ терроръ, какъ его опредѣляетъ „Р. Р.“ („приковываетъ всеобщее вниманіе, будоражитъ всѣхъ“, „возбуждаетъ всеобщіе толки и разговоры“ и пр.), не что иное, какъ „эксцитативный“. Такъ какъ сущность „агитаціоннаго“, или „эксцитативнаго“ террора сводится къ извѣстному воздѣйствію на психику человѣка, то мы обратимся къ психологіи и изслѣдуемъ, какой видъ долженъ принять на практикѣ, на точномъ основаніи психологическихъ законовъ, тотъ „синтезъ террора и массового движенія“, къ которому „Р. Р.“ не перестаетъ возвращаться.

Возьмемъ веберовскій законъ отставанія ощущенія отъ раздраженія; этотъ законъ говоритъ, что интенсивность ощущенія растетъ медленнѣе вызывающаго его раздраженія и чѣмъ дальше, тѣмъ все медленнѣе. Для того, чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ быстро падаетъ ощущеніе при повторныхъ раздраженіяхъ одной и той же интенсивности, я укажу на психо-физическую формулу Фехнера; эта формула подверглась критикѣ со всѣхъ сторонъ и въ науку не принята, тѣмъ не менѣе она выведена на основаніи многихъ наблюденій и фактовъ и можетъ служить нѣкоторымъ, не очень отдаленнымъ приближеніемъ къ истинѣ. По закону Фехнера ощущеніе растетъ, какъ логариѳмъ раздраженія, это значитъ: если мы рядъ послѣдовательныхъ раздраженій обозначимъ произвольно взятыми числами: 1, 10, 100, 1000 и т. д., то соотвѣтствующій рядъ послѣдовательныхъ ощущеній выразится рядомъ натуральныхъ чиселъ: 0, 1, 2, 3 и т. д., гдѣ 0 означаетъ пунктъ, въ которомъ ощущеніе отсутствуетъ. Иными словами: для того, чтобы начальное ощущеніе возросло въ 2, 3, 4 и т. д разъ, нужно интенсивность начальнаго раздраженія увеличить въ 10, 100, 1000 и т. д. разъ. Ясно, что террористическіе акты при своемъ повтореніи должны все больше терять въ своемъ „эксцитирующемъ“ дѣйствіи, пока ихъ „эксцитативность“ не дойдетъ до нуля, и чтобы под-

держивать вызываемое терроромъ возбужденіе хотя бы только на начальной высотѣ, такъ наз. „непосредственные" удары должны быть все чаще и непремѣнно все „грознѣе" и „грознѣе". А это значитъ, что мы должны будемъ отдавать террору все больше и больше силъ, пока онъ не превратится въ наше главное и затѣмъ исключительное дѣло. „Синтезъ террора и массового движенія" превратится въ свою противоположность, останутся только праздные разговоры о „тактическомъ координированіи" террора со „всѣми прочими формами революціонной дѣятельности" и „техническомъ" раздѣленіи партійныхъ функцій, какъ свидѣтельства былого мишурнаго величія.

„Агитаціонный" терроръ имѣетъ еще другую сторону, —онъ можетъ служить орудіемъ пропаганды политическихъ идей, онъ „заставляетъ людей *политически мыслить* хотя бы противъ ихъ воли". Такъ и сказано: *„политически мыслить"* и еще подчеркнуто. „Если террористическій фактъ поражаетъ человѣка, отъ котораго пострадали тысячи людей, то онъ вѣрнѣе, чѣмъ мѣсяцы словесной пропаганды, способенъ перемѣнить взглядъ этихъ тысячъ людей на революціонеровъ и на смыслъ ихъ дѣятельности"; терроръ, стало быть—скажемъ мы отъ себя—предпочтительнѣе политической агитаціи устнымъ и печатнымъ словомъ, потому что онъ долженъ развить политическое сознаніе массы гораздо скорѣе, чѣмъ всякія тамъ „бумажныя" и „говорильныя" средства. Блестящимъ подтвержденіемъ этого тезиса служитъ исторія Н. Воли и то сочувствіе, которое она встрѣтила въ народѣ въ рѣшительный моментъ.

Остается еще терроръ, какъ орудіе „дезорганизаціи" правительства, Въ этомъ отношеніи русское правительство, не въ примѣръ соц.-революціонерамъ, многому научилось отъ „Народной Воли". Грандіозный историческій опытъ, произведенный „Нар. Волей", послужилъ урокомъ не только намъ, соц.-демократамъ, но и правительству. Своимъ практическимъ рѣшеніемъ вопроса о террорѣ она намъ доказала, что только сознательное массовое движеніе есть та сила, которая можетъ сломить абсолютизмъ, правительству

же она показала, что его страхъ передъ выстрѣлами террористовъ былъ основанъ на чистѣйшемъ оптическомъ обманѣ. И только люди, желающіе во что бы то ни стало повернуть колесо революціоннаго движенія въ сторону безвозвратно минувшей фазы, могутъ вообразить. что правительство, разъ отрезвившись отъ заблужденія относительно силы террористовъ и опасности ихъ тактики для его существованія, снова впадетъ въ маниловщину. Нѣтъ, историческій опытъ „Н. В." неизгладимыми чертами запечатлѣлся въ памяти нашихъ правителей, и теперь „грозные удары" уже не производятъ на него впечатлѣнія. Теперь террористы не добьются отъ правительства ничего такого, что хотя бы въ самой отдаленной степени было похоже на мистификаціи „диктатуры сердца" и „бараньяго парламента". Во времена „Н. Воли" „дезорганизація" была палкой о двухъ концахъ: однимъ концомъ она производила нѣкоторую панику въ правящихъ сферахъ, другимъ—она причиняла страшныя опустошенія въ рядахъ партіи; побѣды „Н. В." были пирровы побѣды. Теперь одинъ конецъ этой палки пришелъ въ совершенную негодность, а другой конецъ можетъ только дезорганизовывать ряды революціонеровъ, не затрагивая ни одного винтика правительственнаго механизма.

Но если терроръ даже не обладаетъ дезорганизующими свойствами, какъ это думаютъ „сектанты" и съ которыми согласимся на минуту, то въ этомъ еще большой бѣды нѣтъ. Вѣдь терроръ выдвинутъ только „въ дополненіе," а не „въ замѣну", „вмѣстѣ", а не „вмѣсто"; онъ не есть „какое-то мистическое, единоспасающее и всеразрѣшающее средство", такими свойствами не обладаетъ и массовое движеніе и вообще никакой способъ борьбы, взятый съ отдѣльности. „Синтезъ", „широкій и смѣлый революціонный синтезъ"—вотъ панацея, настоящая „разрывъ-трава, передъ которой размыкаются всѣ замки и запоры". Только „сектанты" могутъ отступать передъ такой „смѣлостью" и „широтою", но соц.-революціонеры чужды „сектантской боязни", „партія никогда не будетъ покушаться на свободу ихъ мнѣній" (т. е. группъ и лицъ въ нее входящихъ), до-

казательство — „синтезъ“, или система „чего изволите?“, въ которой всѣ возможныя „силы, склонности и способности“ могутъ получить удовлетвореніе, ибо сія система совмѣщаетъ въ себѣ „всѣ формы и методы борьбы вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ“ *).

Присмотримся ближе къ „синтезу“. Революціонная армія дѣлится на категоріи по способностямъ, склонностямъ, вкусамъ и пр. Такъ какъ категоріямъ дается право проявлять свою революціонную энергію на свой салтыкъ, то каждой присваивается особый родъ оружія. Такимъ образомъ получается свободная кооперація всевозможныхъ формъ борьбы, отъ которой каждая форма въ отдѣльности можетъ только выиграть: „совершенно также, какъ сила ассоціаціи людей не сводится къ ариѳметической суммѣ силъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и сила одновременнаго напора на правительство всѣми средствами увеличиваетъ силу каждаго отдѣльнаго изъ этихъ средствъ“. Очень жаль, что „Р. Р.“ не приняла во вниманіе еще двухъ родовъ ассоціаціи, весьма поучительныхъ, именно: той ассоціаціи, о которой идетъ рѣчь въ баснѣ: „Щука, лебедь и ракъ“, и еще той, которую видѣлъ во снѣ нѣкій фараонъ и которая извѣстна подъ именемъ: „фараоновы коровы“. Мнѣ думается, что „широкій и смѣлый революціонный синтезъ“ въ сущности не что иное, какъ синтезъ этихъ двухъ послѣднихъ ассоціацій.

Синтезъ „Р. Р.“ былъ бы вѣренъ, если бы каждый элементъ его могъ сохранить и умножать отпущенное ему количество энергіи. На самомъ дѣлѣ это — глубокое заблужденіе, въ которомъ сказывается метафизичность мышленія соціалистовъ-революціонеровъ и ихъ неспособность разсматривать явленія въ ихъ дѣйствительномъ взаимодѣйствіи. Послѣ того, что я сказалъ до сихъ поръ о террорѣ, мы можемъ считать доказаннымъ, что терроръ не совмѣстимъ ни съ какими другими способами борьбы, и до тѣхъ поръ, пока въ ассоціаціи будутъ работать лебедь, щука и ракъ,

*) См. №№ 6 и 10 „Р. Р.“

они могутъ биться сколько угодно, возъ революціи не подвинется впередъ ни на одинъ шагъ. Мало того. Мы можемъ также считать доказаннымъ, что терроръ по самой своей природѣ стремится ассимилировать всѣ прочіе способы борьбы и долженъ ихъ въ концѣ концовъ вытѣснить. Въ фантастической ассоціаціи, измышленной „Р. Р.-ей“, революціонная энергія начнетъ перетекать изъ всѣхъ формъ борьбы въ одну форму, именно террористическую, пока она не поглотитъ всю наличную революціонную энергію. Тогда терроръ не будетъ даже тѣмъ „солнцемъ, вокругъ котораго, какъ подчиненныя планеты, вращаются всѣ другіе способы дѣйствія, и отраженнымъ свѣтомъ котораго они свѣтятъ“, оно—это солнце-терроръ—сожжетъ планеты и затѣмъ сожжетъ и революціонную армію. И мы даже не будемъ имѣть того утѣшенія, которое оставляетъ басня Крылова, ибо возъ революціи не только не останется на одномъ мѣстѣ, но предоставленный силамъ одного рака, онъ, благодаря природѣ двигателя, откатится назадъ. Такова логика террора, которая опрокидываетъ всѣ даже самыя хитроумныя построенія, имѣющія видимою цѣлью обуздать его исключительность.

Мнѣ остается еще коснуться одного вопроса, который вызываетъ вполнѣ понятное недоумѣніе „Р. Р.“ Это—отношеніе соціалдемократіи къ единоличнымъ актамъ расправы.

„Одно изъ двухъ („Р. Р.“ № 7, о террорѣ): или въ настоящее время террористическіе факты нужны и необходимы, или нѣтъ. Если мнѣніе о пользѣ и необходимости террора не вѣрно—то нужно приложить всѣ усилія, чтобы террористическихъ поступковъ не повторялось. Нужно объявить вредной ошибкой выстрѣлъ Карповича, вредной ошибкой выстрѣлъ Балмашева, вредной ошибкой выстрѣлъ Лекерта и т. д., и т. д.“ Или же „мнѣніе о пользѣ“ и т. д. вѣрно, тогда партія „должна ввести террористическіе акты въ свою программу и поставить ихъ подъ свой сознательный контроль“. Здѣсь опять то же метафизическое „или—или“. Или партія должна ввести въ свою программу терроръ, или она должна объявлять вредной ошибкой всякій террористическій актъ. Ein Bischen dia-

lectisches Denken—употребляя выраженіе Каутскаго—показало бы соц.-революціонерамъ, что критикуемая ими позиція соц. демократіи въ вопросѣ о террорѣ въ дѣйствительности не страдаетъ никакимъ противорѣчіемъ.

Нужно различать организованные террористическіе акты, т. е. акты, совершаемые партіей, и неорганизованные, или совершаемые отдѣльными лицами за свой личный страхъ и рискъ. Тѣ и другіе лежатъ, если можно такъ выразиться, въ разныхъ плоскостяхъ, поэтому отношеніе къ нимъ не можетъ опредѣляться простымъ „или—или". Организованные террористическіе акты всегда *цѣлесообразны* (по крайней мѣрѣ, должны быть такими), т. е. строго расчитаны на то, чтобы приблизить нас къ той соціально-политической цѣли, которую ставитъ себѣ партія; элементъ неизбѣжности въ нихъ совершенно отсутствуетъ, это *сознательные, обдуманные акты*, совершаемые на основаніи *холоднаго политическаго расчета*, изъ котораго совершенно устранено вліяніе аффекта, вліяніе преходящаго настроенія членовъ партіи или окружающей ихъ среды. Такъ какъ, исходя изъ сознательнаго политическаго расчета, соц.-демократія нашла, что организованный терроръ мѣшаетъ организаціи пролетаріата и, стало быть, для настоящаго времени нецѣлесообразенъ, то она высказывается противъ него. Индивидуальные террористическіе акты совершаются подъ вліяніемъ нравственнаго негодованія, въ которомъ элементъ политическаго расчета или совершенно отсутствуетъ, или играетъ весьма подчиненную роль. Они симптомъ слабости массового движенія. Они условно-неизбѣжны въ томъ смыслѣ, что они будутъ совершаться до тѣхъ поръ, пока партія не выработаетъ такихъ формъ насилія, которыя непремѣнно предполагаютъ участіе въ нихъ массы, —стало быть, для того, чтобы устранить эту условную неизбѣжность, мы должны усилить нашу революціонизирующую работу въ массѣ, а не объявлять вредными тѣ или другіе единоличные террористическіе акты, это насъ не подвинетъ ни на одинъ шагъ впередъ. Впрочемъ, было бы ошибочно отсюда заключить, что соц.-демократія вообще

отказывается отъ оцѣнки индивидуальныхъ актовъ насилія. Все зависитъ отъ конкретнаго случая. Напр., покушеніе Лекерта было признано всей соц.-демократіей не только неизбѣжнымъ, но и достойнымъ отвѣтомъ на гнусности фонъ-Валя, потому что при тогдашнихъ условіяхъ организація массового отпора была невозможна. Но если бы Лекертъ, проникшись философіей прокламаціи 3 апр. 1902 г. („Ко всѣмъ подданнымъ русскаго царя“), убилъ вмѣсто ф. Валя какого-нибудь писца его канцеляріи, потому что „это легче“, то мы, не умаляя его способности къ самопожертвованію, объявили бы его поступокъ вреднымъ. „Р. Р.“ говоритъ неправду, когда утверждаетъ, будто въ извѣстныхъ случаяхъ вся наша оцѣнка террористическихъ фактовъ сводится къ тому, что мы „откликаемся на нихъ апплодисментами“. Нѣтъ, мы еще прибавляемъ, что революціонеръ прежде всего членъ партіи и что ей и только ей принадлежатъ его силы. Конечно, мы не станемъ обращаться съ такими рѣчами къ тѣмъ жертвамъ царскаго насилія, которыя до такой степени считаютъ себя опозоренными, что находятъ невозможнымъ дальнѣйшее свое существованіе въ партіи, пока они не возстановили своей личной чести; мы знаемъ, что est modus in rebus, за которымъ напоминаніе о предпочтительности дальнѣйшаго служенія дѣлу—сведенію счетовъ съ насильникомъ не только безполезно, но звучитъ насмѣшкой. Но тѣмъ революціонерамъ, которые не являются непосредственными жертвами изъ ряду вонъ выходящей гнусности и которымъ, тѣмъ не менѣе, трудно совладать съ своимъ непосредственнымъ чувствомъ, мы не устанемъ напоминать объ ихъ партійныхъ обязанностяхъ; мы имъ говоримъ, что они должны семь разъ подумать, прежде чѣмъ одинъ разъ итти туда, куда ихъ зоветъ голосъ нравственнаго негодованія; этого требуютъ интересы дѣла—и не только потому, что партія теряетъ въ ихъ лицѣ работниковъ, которыми мы и безъ того бѣдны, но еще потому что террористическіе акты заразительны, вызываютъ подражаніе, усиливаютъ и распространяютъ то террористическое настроеніе, которое представляетъ серьезную опасность

для существованія партіи. Такимъ образомъ, отрицаніе организованнаго террора вовсе не обязываетъ соц.-демократію непремѣнно объявлять каждый индивидуальный террористическій актъ вреднымъ. Свое сужденіе она произноситъ о каждомъ такомъ фактѣ отдѣльно, по изслѣдованіи его конкретныхъ условій въ связи съ интересами партіи, которые для нея являются мѣриломъ.

Тутъ умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о такъ наз. „оборонительномъ террорѣ“, какъ его опредѣлилъ 4-ый съѣздъ Бунда, т. е. о террорѣ „для устраненія провокаторовъ и особенно вредныхъ шпіоновъ“ (резол. V. „о средствахъ политической борьбы“). Собственно говоря, отношеніе къ нему соц.-демократіи должно быть ясно послѣ всего вышесказаннаго, но такъ какъ тутъ вопросъ нѣсколько затемняется тѣмъ, что этого рода террористическіе акты обыкновенно совершаются съ ясно-выраженною цѣлью предохраненія организаціи отъ гибели, то на немъ стоитъ нѣсколько остановиться. Хорошую оцѣнку „оборонительнаго террора“ мы находимъ въ № 1 „Искры“, въ статьѣ „Царское правосудіе и царская милость“ (по поводу военнаго суда въ Варшавѣ надъ польскими соціалистами по обвиненію въ убійствѣ шпіоновъ). Тамъ мы читаемъ: „Противъ того, чтобы шпіоны могли наносить большой вредъ дѣлу, рабочая партія должна бороться путемъ выработки такой крѣпкой и стройной организаціи, которой никакіе провокаторы не могли бы нанести вреда, противъ всей шпіонской системы мы должны бороться, неустанно раскрывая рабочему классу всѣ ея гнусности, призывая рабочія массы безпощадно травить, бойкотировать и выживать (напр., устраивая стачки съ требованіемъ удаленія шпіона) съ заводовъ всякихъ шпіоновъ, предателей и измѣнниковъ“. Мнѣніе, что убійства отдѣльныхъ шпіоновъ могутъ оказать устрашающее дѣйствіе на всю шпіонскую братію, невѣрно. „Террористическія мѣры противъ шпіоновъ ведутъ лишь къ тому, что побуждаютъ ихъ дѣйствовать болѣе осторожно. Пока правительство можетъ безконтрольно распоряжаться народными деньгами на наемъ шпіоновъ, пока капиталисти-

ческій строй создаетъ повсюду море нищеты, подлости, погони за легкой наживой, до тѣхъ поръ никакими мѣрами насилія не остановить грязнаго потока шпіонскаго разврата". „Отдѣльныя личности . . . могутъ видѣть въ убійствѣ шпіона средство охранить отъ гибели ту часть дѣла, которой они заняты, и спасти отъ предательства себя и своихъ ближайшихъ товарищей". „Партія должна бороться не съ единичнымъ явленіемъ, а съ той почвой, на которой неизбѣжно выростаютъ такія явленія".

V

Въ № 10 (августовскомъ) „Р. Р." въ „широкомъ и смѣломъ революціонномъ синтезѣ" опять появляются „фараоновы коровы". Этотъ любопытный феноменъ можно наблюдать въ статьѣ „Рабочее движеніе и наши тактическія задачи", въ которой, между прочимъ, трактуется вопросъ объ организаціи демонстрацій. До этого „Р. Р." относилась къ этому вопросу съ сугубой осторожностью. Напр., въ № 5 просто констатируется, что „ходъ событій неизбѣжно ведетъ къ тому, что толпа . . . начнетъ встрѣчать нападающихъ грудь въ грудь", но не дѣлается никакой попытки забѣжать впередъ и „предварить событія". Въ № 6 „ходъ событій" уже сдѣлалъ значительные успѣхи. Мы узнаемъ, что „накипаетъ у массъ психологическая потребность въ отпорѣ", и что „эта потребность должна быть удовлетворена". Какъ? „Такъ или иначе—путемъ ли массового, открытаго натиска или путемъ обходныхъ, партизанскихъ ударовъ,— но мы должны сумѣть дать врагу жестокій отпоръ, когда того потребуютъ обстоятельства—быть можетъ, обстоятельства завтрашняго дня". Моментъ отпора, стало быть, еще не наступилъ, при чемъ еще допускается возможность массового отпора. Тѣмъ временемъ произошла экзекуція въ Вильнѣ, за которой послѣдовали экзекуціи и въ другихъ городахъ (Минскѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ). Съ одной стороны, жизнь поставила ребромъ вопросъ о лучшей организаціи демонстрацій, такъ что увильнуть отъ него уже нельзя бы-

ло никому, съ другой—поднявшаяся волна „настроенія“ открыла возможность заговорить болѣе откровеннымъ языкомъ. И вотъ въ № 10 „Р. Р.“ уже прямо подходитъ къ вопросу объ организаціи демонстрацій, беретъ быка за рога: массовой отпоръ невозможенъ, нужны „партизанскіе удары“.

„Мы различаемъ—говоритъ „Р. Р.“—*вооруженную демонстрацію* отъ *вооруженной индивидуальной защиты* при демонстраціяхъ“. Вооруженная демонстрація—вещь хорошая, но „мы теперь безусловно не можемъ взять на себя громадной отвѣтственности, связанной съ призывомъ“ къ ней, потому что „теперь, при неравенствѣ силъ, (она) кончилась бы ужасной бойней“, а посему обсужденіе этого вопроса считаемъ излишнимъ „теоретизированіемъ“; предоставимъ этотъ вопросъ „ходу событій“, и когда „фатальное развитіе борьбы“ приведетъ насъ къ тому, что сама масса начнетъ брать на себя „отвѣтственность“ за вооруженныя демонстраціи, тогда и мы пріобщимся къ этой „отвѣтственности“ и начнемъ громче другихъ кричать: „Да здравствуетъ вооруженная демонстрація! Пусть будетъ такъ, какъ хочетъ исторія!“ Но „для настоящаго времени мы можемъ опредѣленно высказаться только лишь за необходимость индивидуальной вооруженной самообороны при демонстраціяхъ“. „Индивидуальная вооруженная самооборона“ нужна потому, что безъ нея демонстрація можетъ превратиться въ „зрѣлище избіенія разбѣгающейся, охваченной паническимъ ужасомъ толпы, которая и не пробовала сопротивляться“ и можетъ подѣйствовать на многихъ деморализующимъ образомъ.

Что такое „индивидуальная вооруженная самооборона“? Это—говоритъ „Р. Р.“—„актъ индивидуальной предусмотрительности со стороны значительной части, можетъ быть, даже большинства участниковъ демонстраціи, запасающихся оружіемъ, чтобы не давать себя звѣрски избить любому полицейскому“. Такимъ образомъ дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. На демонстрирующую толпу нападаютъ полиція и войско, тогда „*значительная часть*“ или даже

„большинство“ демонстрантовъ вынимаетъ оружіе и даетъ отпоръ. Но тутъ у насъ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: 1) Если невооруженная часть толпы обратится въ бѣгство, то не получится ли „зрѣлище . . . охваченной паническимъ ужасомъ толпы“, избиваемой нагайками, шашками, кулаками и пр. — моментъ деморализующій, по мнѣнію „Р. Р.“ ? 2) Если невооруженные демонстранты разбѣгутся въ то время, какъ „значительная“ часть или даже „большинство“ ихъ товарищей остается на мѣстѣ и оказываетъ сопротивленіе, то какъ такой пассажъ примирить съ законами массовой психологіи ? 3) Если невооруженные демонстранты не обратятся въ бѣгство, то будутъ ли они участвовать въ отпорѣ наравнѣ съ вооруженными, или они будутъ оставаться безстрастными зрителями борьбы, зная, что и безъ нихъ „есть кому призвать къ отвѣту виновныхъ“ ? 4) Если „значительная“ часть или „большинство“ окажетъ вооруженный отпоръ, а остальные разбѣгутся, или если вся толпа будетъ сопротивляться — часть съ оружіемъ въ рукахъ, часть кто чѣмъ попало —, то какимъ образомъ дѣло не кончится въ томъ и другомъ случаѣ той „ужасной бойней“, которую провидитъ „Р. Р.“ въ случаѣ вооруженной демонстраціи? Вѣдь если принять минимальное число демонстрантовъ равнымъ 100, то, по точному смыслу понятія „индивидуальной вооруженной самообороны“, вооруженныхъ будетъ 40-60. Не произведетъ ли такая внушительная цифра на вражью силу впечатлѣнія, что вся толпа вооружена? Или „Р. Р.“ думаетъ, что прежде чѣмъ начать избіеніе, башибузуки произведутъ подсчетъ вооруженныхъ и поступятъ по результатамъ изслѣдованія? Или, быть можетъ, она думаетъ, что если вся толпа вооружена, то получается „неравенство силъ“, влекущее за собой „бойню“, а если „значительная“ часть или „большинство“ вооружены, то получается „равенство силъ“, исключающее возможность „бойни“ ? Эти вопросы можно было бы еще значительно умножить, но и поставленныхъ достаточно, чтобы показать всю нелѣпость „индивидуальной вооруженной самообороны“, какъ ее опредѣляетъ „Р. Р.“ Очевидно, что сбивчивыя раз-

сужденія о „вооруженной индивидуальной самозащитѣ“ имѣютъ какой-то сокровенный смыслъ и этотъ смыслъ заключается въ слѣдующемъ: массовой отпоръ невозможенъ и о немъ лучше не думать, онъ долженъ быть замѣненъ „военными дѣйствіями“ знаменитаго „охранительнаго отряда“—„боевой организаціи.“ „Боевая организація“, во время демонстраціи или послѣ, „уже призоветъ къ отвѣту виновныхъ“, „освобождая“ отъ этой „проклятой обязанности“ массу. Ну, а какъ быть съ „деморализующимъ“ „зрѣлищемъ избіенія разбѣгающейся, охваченной паническимъ ужасомъ толпы, которая и не пробовала сопротивляться“? Измѣнитъ ли вмѣшательство „охранительнаго отряда“ хоть на іоту тотъ фактъ, что смятенная толпа бѣжала въ безпорядкѣ, преслѣдуемая по пятамъ башибузуками, которые хлестали ее нагайками? А если фактъ избіенія охваченной паникой толпы остается во всей своей силѣ, то не останется ли въ силѣ и психологическое дѣйствіе этого факта? На эти вопросы вы напрасно стали бы искать отвѣта въ „Р. Р.“ Какъ видите, и тутъ, въ разсужденіяхъ объ „индивидуальной вооруженной самообoронѣ“, сказалась логика террора.

Въ томъ же № 10 „Р. Р.“ мы уже находимъ точное указаніе еще на одну сторону террора, на которую только намекалось въ № 5, въ словахъ: „кровью, а не слезами отвѣчаютъ на такія вещи“ (ст. „Что же дальше?“). Если до сихъ поръ терроръ разсматривался въ „Р. Р.“ то съ точки зрѣнія „неизбѣжности“, усложненной „цѣлесообразностью“, то съ точки зрѣнія голой „неизбѣжности“, въ которой элементъ „цѣлесообразности“ совершенно отсутствовалъ, то во всѣхъ случаяхъ все таки подчеркивалась его утилитарная сторона: онъ „сократитъ руки“ правительству и его агентамъ, поэтому какъ намъ лично ни непріятно отнятіе чужой жизни, мы должны взяться за это печальное, но необходимое дѣло. Изъ номера же 10-го „Р. Р.“ мы узнаемъ, что партія должна также совершать и такіе террористическіе акты, которые имѣютъ единственной цѣлью „наказать“ того или другого насильника, независимо отъ того, проис-

течетъ ли изъ этого какая-либо польза для дѣла революціи или нѣтъ.

Въ очеркѣ „возникновенія и первыхъ шаговъ дѣятельности боевой организаціи“ намъ разсказываютъ, что „казнь“ Сипягина совершилась раньше, чѣмъ предполагалось, каковая преждевременность объясняется тѣмъ, что „боевая организація“ получила „въ высшей степени важное свѣдѣніе, что положеніе Сипягина сильно пошатнулось“, и что „уходъ его очень вѣроятенъ.“ „Убивать Сипягина послѣ отставки боевая организація, конечно, не могла“, стало быть нужно было поспѣшить. Кажется, ясно: отставка Сипягина не могла бы служить основаніемъ для того, чтобы его пощадить, его нужно было убить во что бы то ни стало, безотносительно къ тѣмъ политическимъ результатамъ, которые могла бы повлечь за собою его смерть, иначе—попросту „наказать.“ Дальше начинается чрезвычайно характерная для террориста путаница. Съ одной стороны, вы видите, какъ логика террора вступаетъ въ борьбу съ общепринятыми представленіями, въ вѣрности которыхъ мы сомнѣваться не смѣемъ, и опрокидываетъ эти понятія; съ другой стороны, вы имѣете передъ собой поучительный примѣръ того, какъ логика террора до такой степени заполоняетъ человѣка, что онъ не замѣчаетъ, какъ онъ себѣ грубо противорѣчитъ на протяженіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ строкъ. Я приведу цѣликомъ это мѣсто. „Революціонеру важна не замѣна Сипягина какимъ-нибудь другимъ министромъ. Не для этого боевая организація остановила на Сипягинѣ свой выборъ. Мы боремся не съ лицами, а съ системой. Наши удары могутъ направляться на лицъ лишь постольку, поскольку въ нихъ воплощается и болѣе или менѣе полно олицетворяется система. Возможность ухода Сипягина по собственной волѣ, поэтому, не можетъ остановить карающей руки революціи.“ „Мы боремся—говоритъ „Р. Р.“—не съ лицами, а съ системой“. Тѣмъ не менѣе, „мы“ считаемъ нужнымъ убивать извѣстныхъ лицъ. Почему? Потому, что въ нихъ „олицетворяется система“, т. е. убивая такихъ людей, мы тѣмъ самымъ косвенно наносимъ

вредъ и самой системѣ. Допустимъ, что это такъ. Но что же мы дальше читаемъ? „*Поэтому*, читаемъ мы, возможность ухода Сипягина по собственной волѣ не можетъ остановить карающей руки революціи“. Какъ же это „поэтому“? Вѣдь разъ Сипягинъ выйдетъ въ отставку, то онъ также перестанетъ олицетворять собою систему, и стало быть, о косвенномъ нанесеніи вреда этой системѣ путемъ прекращенія его жизни ужъ не можетъ быть рѣчи. Не можетъ же „Р. Р.“ полагать, что способность воплощать въ себѣ систему была неразрывно связана съ физическимъ существованіемъ Сипягина. Ясно, что разсужденія о системѣ и лицахъ—просто „слова безъ значенія“, къ которымъ уже безъ всякаго смысла пристегнуто „поэтому“, суть же въ томъ, что содержаніе террора должно быть расширено включеніемъ въ него политическихъ убійствъ, отъ которыхъ не ждешь никакихъ политическихъ результатовъ, убійствъ съ цѣлью „наказанія“, изъ простого чувства мести. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что положенія, выставленныя въ цитированномъ мною мѣстѣ, находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ другими партійными заявленіями. Возьмемъ, напр., пресловутый приговоръ Оболенскому, подписанный „боевой организаціей“—источникъ, несомнѣнно, „аутентичный“. Постановленіе объ убійствѣ харьк. губернатора тамъ мотивируется такъ: „Ужасающія избіенія безоружныхъ крестьянъ“ и т. д., и т. д., „выдвинули передъ боевой организаціей .... вопросъ о необходимости прекращенія административной дѣятельности кн. Оболенскаго, какъ безусловно вредной и опасной для трудящагося населенія“. Стало быть, замѣна Оболенскаго какимъ-нибудь другимъ башибузукомъ была важна для „боевой организаціи“, замѣна же Сипягина какимъ-нибудь другимъ министромъ для нея не имѣла цѣны. Странная логика—логика террора!

Какъ бы то ни было, мы имѣемъ новый родъ террора —терроръ, какъ „наказаніе“, какъ месть. Этотъ родъ террора несостоятеленъ вообще съ *партійной* точки зрѣнія,—безразлично, о какой партіи идетъ рѣчь—террористической или соціалдемократической. Въ самомъ дѣлѣ. Что такое

актъ мести? Это актъ, совершаемый подъ вліяніемъ аффекта, чувства. Всякая партія, какія бы цѣли она не преслѣдовала, какіе бы методы борьбы она не употребляла, всегда и во всемъ должна дѣйствовать исключительно на основаніи сознательнаго, холоднаго политическаго расчета, изъ котораго должно быть совершенно устранено вліяніе чувства, потому что чувство вноситъ въ расчетъ элементъ безсознательнаго, стихійнаго и неизбѣжно искажаетъ его результаты. Въ этомъ — минуя всякія другія соображенія — заключается самое строгое осужденіе такъ наз. „организованной мести“. Партія по самому существу своему творить мести не можетъ. Партія, прибѣгающая къ актамъ мести, перестаетъ быть партіей, т. е. безстрастнымъ политическимъ организмомъ, знающимъ одну лишь власть, власть разсудка, и превращается въ безпорядочный аггломератъ индивидовъ, то подчиняющихся сознательному политическому расчету, то прислушивающихся къ голосу нравственнаго негодованія, то слѣдующихъ по равнодѣйствующей изъ сознательнаго расчета и безсознательнаго чувства.

VI

Само собой понятно, что люди, желающіе во что бы то ни стало вернуть давно минувшую фазу революціоннаго движенія и наталкивающіеся при этомъ на сильное противодѣйствіе окружающей среды, не могутъ довольствоваться однимъ только словомъ убѣжденія, они должны еще употреблять такія средства, которыя имѣютъ цѣлью подѣйствовать на наше чувство и воображеніе. Это прекрасно поняли соціалисты-революціонеры. Покушеніе на Оболенскаго было обставлено особой торжественностью: на револьверѣ были выгравированы страшныя кровавыя слова: „за пролитую крестьянскую кровь“ и „смерть царскому палачу и врагу народа“; въ лицо Оболенскому былъ брошенъ пучекъ прокламацій съ напечатаннымъ на нихъ „Смертнымъ приговоромъ“ и пр. — все аксессуары, какъ будто нарочно разсчитанные на то, чтобы опошлить благородный подвигъ

Качура. После покушенія дѣло опошленія продолжалось: въ № 2 „Народнаго дѣла“ Качуръ былъ объявленъ „человѣкомъ громадной силы, какъ щепки раскидавшимъ напавшихъ на него“, а на страницахъ „Р. Р.“ (№ 11) появилась „Жизнь рабочаго-революціонера, описанная имъ самимъ“, точно житіе святого, и при этомъ у соціалистовъ-революціонеровъ такъ мало чутья, что они не видятъ, какъ они всѣми этими пошлостями только оскорбляютъ Качура.

Страсть къ мистификаціи проникаетъ всѣ писанія соц.-революціонеровъ. Напр., въ № 10 „Р. Р.“ въ очеркѣ „возникновенія и первыхъ шаговъ дѣятельности боевой организаціи“ дѣлается довольно толстый намекъ, что „боевая организація“ имѣла въ виду организовать покушеніе на ф. Валя, но ее предвосхитилъ Лекертъ. „Дальнѣйшіе необходимые шаги „боевой организаціи“ — читаемъ мы тамъ — . . . диктовала сама жизнь.“ Два человѣка выдѣлились своими гнусностями: ф. Валь и кн. Оболенскій. „Дѣйствія этихъ лицъ не могли остаться безнаказанными.“ „Но — продолжаетъ „Р. Р.“ — въ Вильнѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, тотчасъ же мѣстными силами было спѣшно организовано покушеніе на ф. Валя“, и тутъ же коварно прибавляетъ: „успѣхъ покушенія, правда, былъ только частичный“, совершенно забывъ въ эту минуту, что въ Харьковѣ при наличности „организованности“ не получилось даже „частичнаго успѣха.“ Какъ бы то ни было, Лекертъ предупредилъ. „Боевой организаціи нашей партіи *оставалось такимъ образомъ* (курсивъ нашъ) свести революціонные счеты съ Оболенскимъ.“ Выступающая здѣсь черта соц.-революціонеровъ достаточно выяснена въ № 25 „Искры“, въ статьѣ „Революціонная беллетристика“. Прибавлю еще только нѣсколько характерныхъ штриховъ. Относительно Балмашева ограничусь сопоставленіемъ. Въ № 10 „Р. Р.“ разсказывается, что въ сентябрѣ 1901 г. поступило предложеніе принять Балмашева въ члены „боевой организаціи“, а „въ концѣ января . . . ему было заявлено, что вскорѣ онъ долженъ будетъ осуществить задуманный планъ.“ Покушеніе произошло 2 апрѣля 1902 г. Отъ 30 ноября 1902 г. датируетъ листокъ „Новые подви-

ги преступнаго правительства“, выпущенный кіевскимъ комитетомъ Р. С. Д. Р. Партіи; въ немъ мы читаемъ: „незадолго до покушенія на Сипягина онъ (Балмашевъ) просилъ кіевскій комитетъ о принятіи его въ нашу соціалдемократическую партію“ ... Въ прокламаціи отъ 3 апрѣля 1902 г. „боевая организація“ намъ заявила, что „Сипягинъ казненъ въ комитетѣ министровъ не случайно. Въ этомъ комитетѣ онъ совершалъ свои преступленія.“ Но къ августу „боевая организація“ уже успѣла забыть это хвастливое заявленіе, и въ № 10 „Р. Р.“ мы уже читаемъ: „первыя же наблюденія показали, что обычнымъ путемъ къ нимъ (министрамъ) проникнуть не было никакой возможности.“ Выходитъ, что предполагалось проникнуть къ Сипягину „обычнымъ путемъ“, и что остановились на зданіи Государств. Совѣта только потому, что „это легче.“ Замѣчу еще, что сопоставленіе, сдѣланное въ № 101 „П. Изв.“ („Насмѣшка судьбы надъ „Р. Р-ей“), подтверждаетъ мнѣніе, высказанное въ Leipziger Volkszeitung въ статьѣ „Къ вопросу о терроризмѣ въ Россіи“ (отъ 27 авг. 1902 г.), что „отчетъ (соц.-революціонеровъ о допросахъ Качура) производитъ впечатлѣніе, что онъ составленъ просто-на-просто на основаніи заранѣе условленныхъ съ покушавшимся словъ и жестовъ.“

Пусть эта страсть къ мистификаціи послужитъ предостереженіемъ всѣмъ увлекающимся терроромъ. Въ нее должна впасть всякая партія, желающая подъ тѣмъ или другимъ соусомъ реставрировать безвозвратно минувшее. Исторія не повторяется, а если ее искусственно воспроизводятъ, то получается фарсъ.

* * *

Нѣсколько словъ объ отношеніи этики къ террору. Въ послѣднее время сдѣланы были попытки осудить терроръ съ моральной точки зрѣнія. Въ „Летучемъ листкѣ“, вышедшемъ изъ типографіи „Петербургскаго Союза Борьбы“, мы читаемъ: „Газеты разсуждали на ту тему, что право отымать жизнь не принадлежитъ обществу. Мысль вполнѣ

справедливая. Ни приговоръ партіи (правительственной или революціонной — безразлично), ни мнѣніе какого бы то ни было общества не могутъ санкціонировать этого высшаго насилія надъ личностью." То же самое повторяется въ прокламаціи „Группы Южнаго Рабочаго" „о террорѣ": „не дѣло революціонера стать судьей или палачемъ." Всѣ эти попытки не выдерживаютъ никакой критики. Единственный критерій пригодности и допустимости того или другого способа борьбы есть цѣлесообразность, и только съ этой точки зрѣнія можно критиковать терроръ. Мы, соціалдемократы, вообще не высказываемся ни противъ террора, ни противъ какихъ бы то ни было формъ насилія. Мы только говоримъ, что въ настоящее время терроръ нецѣлесообразенъ, стало быть вреденъ. Если наступитъ моментъ, когда съ точки зрѣнія нашей цѣли терроръ окажется нужнымъ, то никакія этическія соображенія насъ не удержатъ отъ его примѣненія, точно такъже, какъ мы не остановимся ни передъ какой бы то ни было формой насилія, если она окажется въ данную минуту цѣлесообразной. Нужно только помнить, что — какъ справедливо замѣчаетъ Плехановъ въ № 2-3 „Зари", въ статьѣ „Что же дальше?" — „террористическая дѣятельность и политическая агитація въ массѣ могутъ итти рука объ руку, поддерживая и дополняя другъ друга, только при самыхъ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ. Ни одного изъ такихъ условій у насъ теперь нѣтъ въ наличности и долго еще не будетъ."

Я думаю, что мой разборъ позиціи соціалистовъ-революціонеровъ въ вопросѣ о террорѣ показалъ: 1) что соц.-революціонеры суть террористы par excellence, и что всѣ ихъ разсужденія, имѣющія видимой цѣлью доказать, что они отводятъ террору только скромное мѣсто, суть „слова безъ значенія"; 2) что они слѣдуютъ шагъ за шагомъ за „настроеніемъ", поднимаясь вмѣстѣ съ подъемомъ волны „настроенія" и падая вмѣстѣ съ ея паденіемъ, и что, стало быть, о нихъ можно съ полнымъ правомъ сказать то,

что „Р. Р.“ въ № 10 *) говоритъ безъ всякаго основанія о соціалдемократахъ: они „трость, колеблемая вѣтромъ“ „настроенія“; 3) что они черпаютъ свою бодрость и силу въ террористическомъ настроеніи, охватившемъ нѣкоторые революціонные круги въ Россіи; 4) что терроръ не совмѣстимъ съ работой надъ созданіемъ сознательно-революціоннаго, политическаго движенія пролетаріата; 5) что у террора есть своя логика—логика нетерпимая, исключительная, деспотическая, опрокидывающая всѣ перегородки, имѣющія цѣлью ввести ее въ извѣстныя границы, и неизбѣжно искажающая ходъ мысли у всякаго, кто далъ ей овладѣть собой. Этотъ послѣдній выводъ я считаю наиболѣе важнымъ.

Мы видѣли характеръ логики террора, поскольку она проявляется въ разсужденіяхъ людей. Мнѣ остается еще показать, что она сохраняетъ тотъ же самый характеръ, проявляясь въ поступкахъ людей. Для этого я воспользуюсь выдержкой изъ ст. „Памяти героевъ“ въ № 2 „Р. Р.“ „Съ первыхъ же шаговъ своей подготовительной дѣятельности партія (Н. Воля) вынуждена была искать способовъ самозащиты. Появляются „боевыя дружины“ для террористической борьбы. Вскорѣ дѣятельность этихъ дружинъ разростается и обособляется въ самостоятельную организацію, привлекая все болѣе и болѣе вниманіе партіи. Терроръ, какъ форма открытаго протеста, почти единственно возможнаго при современныхъ русскихъ условіяхъ, при отсутствіи всякой гласности—естественно начинаетъ, въ представленіи партіи, расширять свое назначеніе, превращаясь изъ первоначальнаго орудія самозащиты въ орудіе открытой пропаганды идей партіи, передъ всѣмъ народомъ. Начинается рядъ террористическихъ предпріятій... Вступивъ на этотъ путь, партія тѣмъ самымъ какъ бы вышла изъ періода подготовительной работы, намѣченной въ программѣ. Болѣе или менѣе широкіе планы пропаганды и агитаціи были оставлены, такъ какъ главныя силы пошли на террористическую борьбу. Окружающія условія казались благопріятными для

*) Ст. „Рабочее движеніе и наши тактическія задачи.“

осуществленія цѣлей партіи. Устрашенное систематическими покушеніями правительство своимъ трусливымъ поведеніемъ еще болѣе усиливало увѣренность партіи въ близкой побѣдѣ.... Благодаря этой увѣренности, партія оставляетъ въ сторонѣ первоначальный планъ организованнаго возстанія съ цѣлью захвата власти и напрягаетъ всѣ усилія къ продолженію террористической борьбы, ожидая, что устрашенное правительство, встрѣтившись къ тому же съ сочувствіемъ общества и массовымъ протестомъ рабочихъ, пойдетъ само на капитуляцію, созвавъ Земскій Соборъ. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Катастрофа 1-го марта не вызвала ожидаемой поддержки. Правительство Александра III рядомъ погромовъ сумѣло разстроить ряды партіи. Систематическій терроръ прекратился. Отдѣльныя попытки возстановить нарушенную организацію, вдохнуть жизнь въ уцѣлѣвшія части ея—не привели ни къ чему. „Народная Воля", какъ организованная борющаяся партія, сошла со сцены."

Пусть эта поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасающая исторія послужитъ предостерегающимъ примѣромъ всѣмъ тѣмъ, кому улыбается путь террора. Пусть намъ не указываютъ, что теперь времена измѣнились, что теперь мы имѣемъ массовое движеніе, котораго не было во времена „Н. Воли." Это ни на іоту не мѣняетъ дѣла. Массовое движеніе можетъ только служить большимъ или меньшимъ препятствіемъ логикѣ террора, но она пробиваетъ себѣ дорогу сквозь всѣ препятствія. Партія можетъ опираться на движеніе пролетаріата, но разъ она вступила на путь террора, она неминуемо будетъ все болѣе и болѣе отрываться отъ этого движенія, ихъ дороги будутъ все болѣе расходиться, пока онѣ окончательно не разойдутся, и тогда мы будемъ имѣть съ одной стороны партію такъ наз. „революціоннаго меньшинства", занимающуюся покушеніями, и съ другой стороны—мало сознательное, плохо организованное движеніе пролетаріата, представляющее нуль въ смыслѣ общественной силы. Но до этого логическаго конца въ настоящее время уже не можетъ дойти ни одна террористическая

партія, она исчезнетъ гораздо раньше, чѣмъ успѣетъ продѣлать эту эволюцію. Въ этомъ наше время разнится отъ временъ „Н. Воли“ — по отношенію къ террору.

Приложенiе.

О ПАРТIЙНОЙ МЕСТИ.

(Изъ № 88 „Посл. Извѣст.“ отъ 4 окт./21 сент. 1902 г.)

Въ началѣ сентября настоящаго (1902) года Центральный Комитетъ Бунда созвалъ конференцiю изъ 15 человѣкъ, т. е. частное совѣщанiе изъ членовъ комитетовъ и другихъ организацiй Бунда, по выбору Центральнаго Комитета. Конференцiя, созванная для предварительнаго обсужденiя нѣкоторыхъ назрѣвшихъ вопросовъ, которыми долженъ будетъ заняться ближайшiй очередный съѣздъ Бунда, длилась 3 дня и приняла рядъ резолюцiй ... **Резолюцiи эти необязательны**, и мы надѣемся, что дискуссiя по нимъ въ печати, на собранiяхъ и въ кружкахъ подготовитъ ко времени 5-го съѣзда Бунда достаточный матерiалъ для рѣшенiя стоящихъ на очереди вопросовъ.

РЕЗОЛЮЦIЯ 5-ОЙ КОНФЕРЕНЦIИ БУНДА О ТАКТИКѢ ОБЕЗЧЕЩЕНIЯ.

Изъ оффицiальной мотивировки.

.... Какъ мы, революцiонеры, должны отвѣчать на эту новую систему (систему опозориванiя)? ....

Само собою понятно, что противъ такихъ дикихъ дѣянiй мы должны протестовать всѣми силами, какъ въ Россiи, такъ заграницей, какъ путемъ печати, такъ посредствомъ демонстрацiй, политическихъ стачекъ и пр. Но ни для кого изъ членовъ конференцiи не было сомнѣнiя въ томъ, что протесты, въ какой бы формѣ они не выражались,

не являются достаточнымъ средствомъ противъ такихъ азіатскихъ насилій. Честь революціонной партіи требуетъ мести за униженіе ея членовъ.

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что такой родъ мести имѣетъ что-либо общее съ терроромъ. Когда партія рѣшаетъ наказать того или другого царскаго слугу, она этимъ не имѣетъ въ виду устрашить правительство или вообще воспользоваться этимъ для достиженія своихъ цѣлей. Цѣль такихъ актовъ только въ томъ, чтобы смыть пятно съ партіи, отмстить за позорное оскорбленіе. И организованная революціонная партія, стоящая на твердой принципіальной и тактической почвѣ, всегда будетъ въ состояніи не допустить, чтобы единичные акты мести превратились въ систематическій терроръ.

И именно поэтому всѣ такіе акты должны организовываться самой партіей, потому что только сама организуя каждый разъ акты мести и „не предоставляя вещей ихъ естественному ходу“, партія сможетъ предохранить своихъ членовъ отъ ложныхъ шаговъ, какъ и отъ систематическаго террора.

Но прежде всего необходимо, чтобы тѣ, противъ которыхъ правительство примѣняетъ систему опозориванія, не ждали, пока совершится месть партіи. Они должны сами, тутъ же на мѣстѣ, оказать сильное и энергичное сопротивленіе. Месть партіи лишь тогда будетъ имѣть смыслъ, когда каждый революціонеръ въ отдѣльности будетъ въ каждый данный моментъ самъ отстаивать свою честь и честь своей партіи, когда каждый будетъ до послѣдней возможности защищаться противъ оскорбленій со стороны царскихъ слугъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, конференція приняла слѣдующую резолюцію.

Конференція признаетъ:

А. Что необходимо вести усиленную массовую агитацію за необходимость самаго энергичнаго сопротивленія въ случаяхъ обезчещенія личности участниковъ революціонной борьбы;

Б. Что на акты обезчещенія слѣдуетъ каждый разъ отвѣтить организованными актами мести и массового протеста, при чемъ одно не исключаетъ другого.

* *
*

Къ вопросу объ „организованной мести“.

Вышеприведенная нами резолюція о „тактикѣ обезчещенія“ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о наличности въ нѣкоторыхъ кругахъ Бунда, если не террористическаго теченія, то, по крайней мѣрѣ, террористической тенденціи. Существованіе такой тенденціи конференція отрицаетъ, она заявляетъ: „было бы большимъ заблужденіемъ думать, что такой родъ мести (организованная месть) имѣетъ что-либо общее съ терроромъ“. Иными словами это значитъ: резолюція объ „организованныхъ актахъ мести“ не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ тактической позиціей Бунда, однимъ изъ устоевъ которой является отрицаніе организованнаго террора. Посмотримъ, такъ ли это.

Почему „организованная месть“ не заключаетъ въ себѣ признаковъ организованнаго террора? На это конференція отвѣчаетъ: „Когда партія рѣшаетъ наказать того или другого царскаго слугу, она этимъ не имѣетъ въ виду устрашить правительство или вообще воспользоваться этимъ, какъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Цѣль такихъ актовъ въ томъ, чтобы смыть пятно съ партіи, отомстить за позорное оскорбленіе“. Итакъ, различіе между организованной местью и организованнымъ терроромъ сводится исключительно къ субъективному моменту; все зависитъ отъ того, съ какой цѣлью совершается насиліе: если насиліе совершается партіей для „устрашенія“ правительства или для достиженія цѣлей, входящихъ въ ея программу, то оно называется организованнымъ терроромъ; если же насиліе совершается съ цѣлью „смыть пятно“, то оно называется организованной местью. Это различеніе не выдерживаетъ никакой критики. Явленія различаются меж-

ду собой по объективнымъ признакамъ, а не по тому, какъ мы на нихъ смотримъ.

Что такое терроръ въ томъ особенномъ значеніи, въ какомъ онъ теперь употребляется въ нашей соц.-демократической литературѣ? Это опредѣленный видъ насилія, состоящій въ покушеніи на жизнь представителей власти. Къ тому же сводится и тотъ видъ мести, о которомъ говорится въ резолюціи конференціи. Стало быть, между „организованной местью" и „организованнымъ терроромъ" по существу нѣтъ разницы. Что касается цѣлей, то онѣ характеризуютъ только различныя фазы въ развитіи террористической тактики. Сначала террористическіе акты предпринимаются только для наказанія отдѣльныхъ насильниковъ, изъ простого чувства мести, потомъ они становятся орудіемъ для устрашенія правительства, далѣе путемъ къ освобожденію и, наконецъ, единственнымъ средствомъ для достиженія политическихъ цѣлей. Таковъ „имманентный" законъ развитія террористической тактики. Само собою понятно, что этотъ законъ нигдѣ не проявляется въ своемъ чистомъ видѣ, а модифицируется вообще въ зависимости отъ соціально-политическаго положенія страны, въ частности—въ отдѣльныхъ организаціяхъ—также въ зависимости отъ степени развитія рабочаго движенія въ данномъ мѣстѣ, состава и „традицій" руководителей организаціи.

„Народная Воля", дѣйствовавшая въ эпоху малаго развитія капитализма, когда пролетаріатъ, какъ общественная сила, долженъ былъ представляться ничтожной, не стоющей вниманія величиной, продѣлала указанную нами эволюцію въ ея наиболѣе чистомъ видѣ.

Если мы обратимся къ „соціалистамъ-революціонерамъ", то мы увидимъ, что начертанная нами схема развитія террористической тактики значительно осложняется новыми элементами, которыхъ не знала „Народная Воля". Что представляетъ собою „Партія соціалистовъ-революціонеровъ" по своему составу? Ни для кого не тайна, что она, въ своей руководящей части, состоитъ изъ людей, застывшихъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго народничества и старающих-

ся, сообразно требованіямъ времени, обновить свой обветшалый теоретическій багажъ заплатами изъ обрывковъ соціалдемократизма.

Чѣмъ объясняется ихъ успѣхъ за послѣднее время? Медленный ростъ рабочаго движенія въ собственной Россіи, съ одной стороны, и широко разлившееся насильничество царскихъ слугъ, доведенное до высокой степени напряженія, съ другой стороны—вотъ главныя изъ тѣхъ условій, которыя породили въ головахъ нѣкоторой части интеллигенціи сомнѣніе въ дѣйствительности и цѣлесообразности старыхъ средствъ борьбы, началось исканіе „новыхъ путей“. Притаившіеся народники воспрянули духомъ, подняли голову и понесли интеллигенціи свою проповѣдь „забытыхъ словъ“. Но со времени выступленія „Народной Воли“ въ общественныхъ отношеніяхъ Россіи произошли такія глубокія перемѣны, что проповѣдывать народовольческія теоріи въ ихъ чистомъ видѣ уже не представлялось возможности.

Возникло рабочее движеніе, широко разлившееся по всей Россіи и пошедшее въ нѣкоторыхъ районахъ относительно далеко въ глубь и въ ширь; рабочее движеніе стало важнымъ факторомъ общественной жизни, котораго уже не можетъ игнорировать ни одинъ революціонеръ. Къ этому фактору нужно было приспособить старыя теоріи, чтобы придать имъ хоть нѣкоторую жизнеспособность; результатомъ этого приспособленія явилось механическое соединеніе стараго и новаго: народническія теоріи осложнились чуждымъ имъ элементомъ классовой борьбы пролетаріата, народовольческая тактика вступила въ противоестественный союзъ съ тактикой соц.-демократическаго рабочаго движенія. Этотъ союзъ все болѣе вырождается въ игру въ терроръ съ театральными эффектами, составляющими необходимый элементъ игры; попытка „возобновленія славной дѣятельности Исп. Ком. Народной Воли“ начинаетъ все болѣе походить на фарсъ. Успѣхъ соц.-революціонеровъ насъ не долженъ удивлять: ихъ теоріи, упавшія на почву, хорошо обработанную царскимъ насильничествомъ и революціон-

ными вспышками, но слабо орошенную потомъ борющагося пролетаріата, должны преуспѣвать; но этотъ успѣхъ насъ не долженъ печалить: онъ такъ же кратковремененъ, какъ кратковремененъ комплексъ условій, его вызвавшій и питающій.

Проповѣдь террора, которая съ такой энергіей ведется теперь въ Россіи, не осталась безъ вліянія и на нѣкоторыхъ товарищей въ нашей организаціи. Но въ Бундѣ, опирающемся на массовое политическое движеніе пролетаріата, связанномъ тысячью нитей съ рабочей массой, „новое евангеліе“, конечно, преломляется совсѣмъ иначе, чѣмъ въ группахъ интеллигентовъ, почти оторванныхъ отъ массы. Въ то время, какъ соц.-революціонеры говорятъ о „раздѣленіи революціоннаго труда“ между „Боевой организаціей“ и собственной „партіей“, о „террорѣ“, какъ средствѣ борьбы и программномъ пунктѣ,—конференція Бунда, наоборотъ, вопросомъ о „боевыхъ организаціяхъ“ совершенно не занимается и, проведя формальную границу между местью и терроромъ, настаиваетъ на позиціи отрицанія организованнаго террора. Въ этомъ противорѣчивомъ положеніи, занятомъ конференціей въ вопросѣ о террорѣ, ярко выступаетъ доминирующая власть массового рабочаго движенія и традицій соціалдемократіи надъ умами даже тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые, находясь подъ исключительно-гнетущимъ впечатлѣніемъ царскаго насильничества, страстнѣе другихъ ищутъ выхода своему возмущенному чувству. Отсюда понятно, что указанная нами эволюція террористической тактики должна встрѣтить въ Бундѣ несравненно большія препятствія, чѣмъ въ другихъ революціонныхъ организаціяхъ. Но эта эволюція значительно облегчится проектированными конференціей перемѣнами въ организаціи. *) Новый принципъ организаціи, сводящійся къ нѣкоторому ослабленію общенія руководящихъ сферъ съ массой, можетъ оказаться плодотворнымъ лишь при самомъ строгомъ соблюденіи принциповъ и тактики соціалдемократіи;

*) См. брош. „Наша ближ. организац. задача“, изд. Бунда.

если же возложить на эту организацію функцію, взятую изъ давно пережитой нами фазы революціоннаго движенія, то она рискуетъ съ теченіемъ времени выродиться въ „боевую организацію“, въ пародію „Исполнит. Комитета.“

Изъ сказаннаго вытекаетъ: 1) организованная месть есть одинъ изъ видовъ организованнаго террора, 2) организованная месть представляетъ одну изъ фазъ въ развитіи террористической тактики, 3) организація, принявшая въ свою программу организованную месть, тѣмъ самымъ уже вступила на путь обособленія отъ массового движенія, по которому она будетъ неуклонно, съ большими или меньшими препятствіями, подвигаться вплоть до вырожденія въ чистую террористическую группу,—разумѣется, если она не исчезнетъ еще раньше, чѣмъ успѣетъ продѣлать всю эту эволюцію, что (т. е. преждевременное исчезновеніе организаціи) всего вѣроятнѣе.

Конференція выражаетъ увѣренность, что „организованная революціонная партія, стоящая на твердой принципіальной и тактической почвѣ, всегда будетъ въ состояніи не допустить, чтобы единичные акты мести превратились въ систематическій терроръ.“ Это одинъ изъ многихъ „насъ возвышающихъ обмановъ.“ Во первыхъ, одна изъ предпосылокъ („твердая принципіальная и тактическая почва“), на которыхъ построенъ силлогизмъ, не можетъ существовать въ дѣйствительности, такъ какъ внесеніе въ программу пункта объ организованной мести уже доказываетъ, что подъ организаціей заколебалась ея принципіальная и тактическая почва; во вторыхъ, такъ какъ насильничество неразрывно связано съ самодержавіемъ, стало быть, въ царской Россіи никогда не прекратится и будетъ принимать все новыя и болѣе чудовищныя формы, такъ какъ каждое насиліе, какъ бы чудовищно оно не было, при самодержавномъ режимѣ всегда превращается въ систему, то акты организованной мести, какъ отвѣтъ на насилія, будутъ все болѣе учащаться и превратятся въ систему, потому что разъ партія беретъ на себя обязательство отвѣчать на всякое „позорное оскорбленіе“ актами мести, то она не можетъ въ од-

номъ случаѣ отвѣтить, въ другомъ нѣтъ; въ третьихъ, терроръ, какъ всякое средство, требующее примѣненія большихъ средствъ и энергіи и дающее поражающіе воображеніе эффекты, обладаетъ особыми засасывающими свойствами, поэтому кто разъ вступилъ на путь террора, тотъ ужъ не имѣетъ власти надъ собой, тому ужъ нѣтъ возврата.

Мы не будемъ здѣсь говорить о вліяніи террористической тактики на рабочее движеніе: во первыхъ, этотъ вопросъ достаточно разработанъ въ литературѣ и сказать тутъ что-нибудь новое мудрено; во вторыхъ, такъ какъ конференція отнеслась отрицательно къ „террору", то намъ нечего поучать ее на счетъ послѣдствій примѣненія террора. Но мы считаемъ нужнымъ коснуться одного пункта, который, насколько намъ извѣстно, въ литературѣ до сихъ поръ не затрагивался.

Согласимся на минуту съ конференціей, что организованные акты мести будутъ происходить черезъ такіе долгіе промежутки времени, что о перемѣнѣ тактики партіи не можетъ быть рѣчи. Какъ это будетъ вліять на массу? Извѣстно, что въ массѣ живетъ большое пристрастіе къ „своимъ средствіямъ." По мѣрѣ того, какъ усиливается полицейскій произволъ, все болѣе учащаются случаи примѣненія рабочими „своихъ средствъ", какъ показываютъ факты послѣдняго времени (обливаніе кислотой, убійства и пр.). Насилія со стороны рабочихъ, какъ реакція противъ насильничества царскихъ слугъ, неизбѣжны и бороться противъ нихъ было бы нелѣпо и нежелательно, но ихъ необходимо ввести въ извѣстныя границы, чтобы они не разрослись въ эпидемію „членовредительства", косящую всѣхъ безъ разбора: царскихъ башибузуковъ, шпіоновъ, провокаторовъ, фабрикантовъ, штрейкбрехеровъ и пр. Между тѣмъ акты мести, исходящіе отъ организаціи, на которую рабочіе смотрятъ, какъ на руководительницу, будутъ въ глазахъ массы санкціонировать насиліе вообще, для нея перестанутъ существовать даже тѣ довольно широкія границы, которыя до сихъ полагались практикѣ „своихъ средствъ" авторитетомъ организаціи. Но хуже всего въ данномъ случаѣ то, что

психологія самихъ руководителей совершенно измѣнится привхожденіемъ въ нее сильнаго террористическаго элемента, и у нихъ не будетъ ни вѣры, ни убѣжденія, ни даже словъ для борьбы съ надвигающейся эпидеміей „членовредительства“, грозящей отбросить рабочее движеніе далеко назадъ, къ временамъ „экономическаго террора.“ Ожиданія конференціи, „что сама организуя каждый разъ акты мести.... партія сможетъ предохранить своихъ членовъ отъ ложныхъ шаговъ“, не имѣютъ достаточнаго основанія, будутъ достигнуты, какъ мы видѣли, какъ разъ обратные результаты.

Какую цѣль должна преслѣдовать партія, организуя акты мести? На это конференція отвѣчаетъ: цѣль организованной мести — „смыть пятно съ партіи.“ Здѣсь центръ тяжести аргументаціи конференціи. Партія олицетворяется, надѣляется человѣческой психологіей, способностью воспринимать обиды и реагировать на нихъ, и все, что въ извѣстныхъ случаяхъ считается обязательнымъ для человѣка, переносится на партію. Обычный критерій пригодности и допустимости того или другого средства — цѣлесообразность — отбрасывается и замѣняется аппеляціей къ оскорбленному „чувству“ партіи, которое, какъ всякое чувство, кричитъ о мести. Перенесеніе понятія о личной чести на партію при русскихъ условіяхъ почти неизбѣжно и объясняется тѣмъ, что нигдѣ революціонеръ не живетъ такъ мало личной жизнью, нигдѣ онъ не проникается такъ всецѣло интересами партіи, до забвенія или даже подавленія личныхъ привязанностей, какъ въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, это перенесеніе продолжаетъ оставаться невѣрнымъ со всѣми умозаключеніями, которыя изъ него дѣлаются.

Извѣстнаго рода надругательства надъ личностью человѣка позорятъ его, онъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ, и никакими разсужденіями вы въ немъ не подавите сознанія перенесеннаго позора, наоборотъ, было бы въ высшей степени вредно подавлять или ослаблять это сознаніе, и утвержденіе внутренняго обозрѣвателя № 4 „Жизни“, что „личной чести этихъ людей (подвергнутыхъ тѣлесному наказанію или медицинскому осмотру) никакія издѣватель-

ства надъ ними не могутъ затронуть“—есть не болѣе, какъ вредная пошлость. Но партія не можетъ считать себя опозоренной отъ того, что нанесено оскорбленіе ея членамъ. Партія не ариѳметическая сумма входящихъ въ нее членовъ, а самостоятельный организмъ, развивающійся по своимъ особымъ законамъ и преслѣдующій свои особыя цѣли. Соотвѣтственно этому партійная честь заключается въ строгомъ соблюденіи принциповъ и въ неуклонномъ преслѣдованіи поставленныхъ себѣ цѣлей. Честь безтѣлеснаго, если можно такъ выразиться, организма не можетъ заключаться въ томъ же самомъ, въ чемъ заключается честь живой, чувствующей и страдающей личности. Поэтому честь партіи не можетъ требовать отъ нея, чтобы она мстила за оскорбленіе ея членовъ, это дѣло тѣхъ ея членовъ, которые были подвергнуты позору. Партія должна реагировать на насилія надъ личностью ея членовъ, но не во имя сложившихся у насъ понятій о личной чести или во имя непосредственнаго возмущеннаго чувства, но во имя того дѣла, которое составляетъ содержаніе ея дѣятельности, во имя освободительной борьбы пролетаріата, такъ какъ ничто такъ не угрожаетъ рабочему движенію, какъ попытка правительства унизить человѣческое достоинство рабочихъ. А если это такъ, если возстановленіе чести отдѣльныхъ членовъ не можетъ входить въ задачи партіи, то изъ арсенала ея средствъ должны быть также исключены всѣ тѣ средства, которыми эта честь возстановляется, стало быть и акты мести. Отвѣчая на насилія правительства, партія можетъ пользоваться только такими средствами, которыя вполнѣ гармонируютъ съ ея назначеніемъ—руководить освободительной борьбой пролетаріата; ея отвѣтъ, въ противоположность отвѣту отдѣльнаго человѣка, можетъ носить только массовой характеръ. На это замѣчаютъ, что массовой протестъ не всегда возможенъ. Совершенно вѣрно. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что партія должна еще энергичнѣе работать въ томъ направленіи, чтобы массовые отвѣты дѣлались все болѣе и болѣе возможными, а не то, что она должна прибѣгать къ актамъ мести, т. е. ослабивъ свои заботы объ организаци

массовыхъ отвѣтовъ и сосредоточивъ все вниманіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ на ихъ суррогатѣ—„организованной мести“, способствовать ослабленію самодѣятельности массы и дѣлать массовые отвѣты все менѣе и менѣе возможными. Личную же честь могутъ возстановить, какъ мы уже сказали, лишь сами пострадавшіе. Партія только обязана на столько революціонизировать своихъ членовъ, поднять на такую высоту ихъ умственный и нравственный уровень, чтобы они въ случаѣ чего сумѣли сами постоять за свою честь. Если этого не бываетъ, если революціонеры оставляютъ безнаказанными издѣвательства надъ ихъ личностью, то это въ значительной степени слѣдуетъ приписать тому, что развивающая сознаніе и революціонизирующая умъ и чувство работа партіи еще не успѣла поднять на должную высоту человѣческое достоинство ея членовъ, стало быть эту работу нужно усилить.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о психологической подкладкѣ террористической тенденціи, проявившейся на конференціи. Въ каждомъ человѣкѣ, выросшемъ и воспитавшемся при самодержавномъ режимѣ, сидитъ террористъ,—это безспорный фактъ. Террористическая психологія россійскаго человѣка состоитъ не только въ томъ, что онъ сочувствуетъ террористическимъ актамъ, но еще въ томъ, что онъ въ глубинѣ души приписываетъ террору положительную, созидающую роль. Сколько бы прекрасныхъ доводовъ мы себѣ не приводили въ пользу несостоятельности террора, какъ средства борьбы противъ правительства, намъ не заглушить внутренняго голоса, продолжающаго, вопреки голосу разсудка, нашептывать: а все жъ таки, если убить такого-то, то, быть можетъ, станетъ легче жить; какъ ни какъ, а политическія убійства все же могутъ поставить нѣкоторыя границы царскому произволу, „сократить руки“ правительству и пр.—голосъ не совсѣмъ увѣренный, но неотвязчивый. Эта террористическая психологія есть наслѣдіе той эпохи, когда для борьбы съ правительствомъ еще не было тѣхъ могучихъ средствъ, которыя вырабатываются соціалдемократическимъ рабочимъ

движеніемъ. Разгорающаяся борьба пролетаріата наноситъ этой психологіи ударъ за ударомъ, но рабочее движеніе въ Россіи еще не на столько развилось, дѣйствительность массовыхъ средствъ борьбы еще не такъ неопровержимо доказана жизнью, чтобы эта психологія могла исчезнуть.

Особенно значительному ослабленію террористическая психологія подверглась въ Бундѣ, опирающемся на широкое движеніе пролетаріата. Но тутъ правительство выступило съ своей тактикой обезчещенія. Неслыханныя издѣвательства царскихъ башибузуковъ надъ личностью революціонеровъ вызвали расцвѣтъ террористической психологіи, проснулись заглохшіе было террористическіе инстинкты и въ нѣкоторыхъ кругахъ Бунда. Если бы этому подъему душевнаго терроризма можно было сейчасъ же противоставить, какъ противовѣсъ, самодѣятельность массы, то онъ вмѣшнимъ образомъ ничѣмъ бы не проявился. Массового протеста, какъ извѣстно, не послѣдовало. Причинъ тому было много: подавленное состояніе массы, пораженной картиной неслыханнаго позора, невозможность сразу приспособить старыя средства борьбы къ новой тактикѣ правительства, изолированность еврейской рабочей массы въ виду инертности христіанскихъ рабочихъ въ Литвѣ и Польшѣ; нѣкоторая растерянность руководителей, пораженныхъ неожиданностью, трудность взять на себя отвѣтственность за возможныя послѣдствія массового выступленія при такомъ неожиданномъ поворотѣ въ правительственной тактикѣ и пр. Такое положеніе вещей породило нѣкоторое сомнѣніе въ достаточности обычныхъ средствъ социалдемократическаго рабочаго движенія и даже въ пригодности ихъ для извѣстныхъ случаевъ. И вотъ это сомнѣніе въ связи съ пробужденіемъ террористическихъ инстинктовъ направило мысль въ нѣкоторыхъ кругахъ Бунда въ сторону плановъ „организованной мести“,—тѣмъ болѣе, что въ критическіе моменты, когда жизнь требуетъ отъ насъ немедленнаго отвѣта на поставленный ею вопросъ, у насъ всегда является вполнѣ естественное влеченіе итти по линіи наименьшаго сопротивленія.

Углубляя и расширяя нашу революціонизирующую соціалдемократическую работу въ еврейской рабочей массѣ, борясь противъ инертности христіанскихъ рабочихъ, отдавая себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя могутъ такъ или иначе вліять на наши поступки, мы уничтожимъ психологическій фундаментъ, на которомъ выросли террористическія тенденціи, нашедшія себѣ выраженіе въ резолюціи о „тактикѣ обезчещенія."

Заграничный Комитетъ Бунда.

